

Вальтер Холличер

ЧЕЛОВЕК И АГРЕССИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»

Aggression im Menschenbild

**MARX,
FREUD,
LORENZ**

von Walter Hollitscher

**VERLAG MARXISTISCHE BLÄTTER
FRANKFURT AM MAIN 1970**

Вальтер Холличер

Человек и агрессия

З. ФРЕЙД

И К. ЛОРЕНЦ

В СВЕТЕ МАРКСИЗМА

Перевод с немецкого
Г. С. ЧЕРНОВОЙ

Общая редакция
и вступительная статья
кандидата философских
наук
В. В. ДЕНИСОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1975

Редакция литературы по философии и праву

© Перевод на русский язык с изменениями, «Прогресс». 1975

X $\frac{10506-95}{006(01)-75}$ 13-74

АГРЕССИЯ: ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ИНСТИНКТ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН?

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ)

Человек и агрессия — многообразным аспектам этой проблемы посвящена книга австрийского ученого, философа-марксиста Вальтера Холличера. Выбор такой темы исследования, конечно, не случаен. Он определяется большой научно-теоретической значимостью и политической актуальностью проблемы насилия в современную эпоху, до предела насыщенную самыми разнообразными и острыми социальными конфликтами. Вместе с тем, пожалуй, ни один другой вопрос не служит объектом столь активных идеологических спекуляций, теоретических извращений и политических фальсификаций со стороны апологетов империализма, как вопрос о насилии, его природе, источниках и роли в истории.

Буржуазные теоретики вкупе с идеологами правого и «левого» ревизионизма стремятся всячески извратить марксистско-ленинское учение о социально-классовой природе политического насилия и его конкретно-исторической роли в общественном развитии, противопоставить ему различного рода псевдонаучные, субъективно-волюнтаристские концепции, призванные служить оправданию реакционной, антигуманной сущности капиталистических общественных отношений, империалистической политики террора и репрессий, милитаризма и неокOLONиализма, расизма и военных авантур.

Для коммунистических партий, теоретиков-марксистов, идущих в авангарде борьбы за экономические интересы и демократические права трудящихся капиталистического мира, является очевидной актуальность последо-

вательной идейно-теоретической борьбы против буржуазных взглядов по этим вопросам, необходимость научной, творческой разработки проблем социального насилия с позиций марксизма-ленинизма. За рубежом вышел целый ряд марксистских работ, посвященных данной проблематике¹.

О повышенном интересе к теории и практике социального насилия, наблюдающемся в настоящее время со стороны буржуазных теоретиков, свидетельствует тот факт, что исследованием различных аспектов этой проблемы занимаются не только отдельные ученые, но и десятки специально созданных для этой цели во многих капиталистических странах научных институтов, университетских центров, общественных и международных организаций. Согласно данным департамента социальных наук ЮНЕСКО, количество исследований по проблемам насилия и конфликта (включая вопросы войны и мира) возрастает значительно быстрее, чем по любым другим проблемам в области общественных наук.

Объявив XX век «веком насилия», буржуазные теоретики приступили к форсированной теоретической разработке этой проблематики.

Эскалация насилия и конфликтов всех видов и форм, господство культа силы в идеологии, политике и морали империализма сопровождаются заметным оживлением и на буржуазном рынке идей, предлагающем самые разнообразные взгляды и теории для объяснения природы и источников этого явления.

В той чрезвычайно пестрой картине, какую представляет собой современная буржуазная «философия насилия», можно тем не менее выделить несколько ведущих направлений. К таковым в первую очередь следует отнести биогенетические и психологические концепции насилия. В основе этих концепций лежит биопсихологическая трактовка всех явлений и процессов общественной жизни вообще и в частности агрессивного поведения лю-

¹ См., например: R. Arismendi, *Problemas de una revolucion continental*, Montevideo, 1962; H. Aptheker, *The Nature of Democracy, Freedom and Revolution*, New York, 1967; A. Montague, *Man and Aggression*, London, 1967; B. Russel, *Power. A new social Analysis*, London, 1962; G. Somerville, *Violence, Political and Morality*, «Philosophy and fenomenological research», Buffalo, 1971, vol. 32, № 2.

дей, его мотивов и механизмов, войн, революций, мятежей и т. д.

Если первые — биогенетические концепции — представляют собой по сути дела модернизированную форму социального дарвинизма, то вторые — психологические концепции — уходят своими корнями в психоаналитическое учение фрейдизма.

В начале своей книги В. Холличер правомерно ставит вопрос: в чем причина возникновения этих новых «версий» фрейдизма и социального дарвинизма, переживающих ныне, как он отмечает, «свой ренессанс». Правильно понять и оценить это явление, указывает В. Холличер, можно только с учетом общего идеологического фона и социально-политической обстановки в капиталистическом обществе и, в частности, того факта, что процесс развития буржуазной социальной мысли давно уже идет не по восходящей линии, а как бы по кругу, в одной и той же плоскости.

Стремясь дать максимально глубокий и всесторонний критический анализ ряда основных буржуазных концепций насилия и агрессии, В. Холличер в некоторых случаях, следуя за критикуемыми им буржуазными теоретиками, слишком углубляется, как нам кажется, в область чисто медицинских, биологических и физиологических проблем, предпринимает не всегда необходимый в данном случае детальный разбор и описание сугубо специальных результатов тех или иных естественных наук, специфических для них методов и форм научного исследования. Это обстоятельство, несомненно, в какой-то мере снижает общую структурную стройность, концентрированность и последовательность в изложении основной темы книги, отвлекает внимание читателя от главных принципиальных социально-политических аспектов проблемы насилия и агрессии в современной общественной жизни.

Не следует при этом забывать, что многие буржуазные теоретики, занимающиеся изучением проблемы насилия, нередко сознательно стремятся увести читателя в дебри академических, схоластических рассуждений и догм, всячески спекулируют на конкретном материале естественных наук, манипулируют сугубо специальными научными категориями и понятиями, преследуя при этом единственную цель — затемнить и запутать эти вопросы в сознании масс, по возможности обойти и затушевать подлинную со-

циально-классовую природу, роль и направленность феномена насилия. Пытаясь найти «научные» аргументы для оправдания реакционного перерождения социально-политической надстройки империализма, снять с него ответственность за политику военных авантур, милитаризма и неоколониализма, они обращаются к различного рода идеалистическим направлениям социальной биологии и психологии, принижающим роль сознания и биологизирующим личность, объявляющим в качестве главных побудительных факторов социального поведения людей врожденные инстинкты и бессознательные влечения.

Подчеркивая органическую взаимосвязь и идейно-теоретическую общность биогенетических и психологических концепций насилия, В. Холличер тем не менее выделяет каждое из этих направлений для самостоятельного критического анализа, показывает их специфику и характерные особенности.

Здесь необходимо также отметить, что, хотя в работе Холличера на первый план современной буржуазной «философии насилия» выдвигаются концепции, в основе которых лежат «психологические детерминанты» и которые основываются на различных течениях неофрейдизма, на наш взгляд, который, кстати, в данном случае совпадает с мнением ряда крупных западных специалистов, значительно более широкое распространение имеют сейчас биогенетические концепции, представленные сторонниками так называемой «социальной этологии». Другой вопрос, и здесь нельзя, конечно, не согласиться с В. Холличером, что нередко взгляды и теории тех или иных буржуазных ученых носят настолько запутанный, эклектический по своей гносеологической и методологической сущности характер, что порой вообще бывает трудно точно определить и отнести их к какому-нибудь конкретному философскому направлению или школе.

Остановимся прежде всего на буржуазных теориях, в основе которых лежит биологизация таких социальных явлений, как агрессия, война, классовая борьба.

Основоположники марксизма в свое время подвергли критике антинаучные взгляды проповедников социального дарвинизма, научно доказали, что биологические законы не могут быть применены к анализу явлений общественной жизни. За истекшее столетие, пишет В. Холличер, буржуазные концепции, в основу которых положена био-

логическая трактовка общественных явлений, включая и феномен социального насилия, не стали, естественно, менее антинаучными и реакционными по своей теоретической классовой сущности. Однако за прошедший со времени деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса исторический период арсенал аргументации буржуазных ученых пополнился новым фактическим материалом, который они черпают сейчас прежде всего из таких областей, как биология, этология, генетика, нейрофизиология. Нельзя отрицать, что последние достижения в этих областях научного знания позволили открыть ряд интересных новых закономерностей в поведении животных, подтвердить и развить основополагающие материалистические принципы формирования сознания и функционирования различных областей жизнедеятельности животных и человека. Вместе с тем среди определенной части буржуазных ученых наметилась тенденция использовать новейшие научно-исследовательские принципы и методы, а также открытые закономерности в поведении животных для анализа и объяснения различных социальных явлений.

Только изучение поведения животных, по мнению основателей социальной этологии, поможет разобраться в действительных причинах тех или иных общественных действий людей, в том числе объяснить феномен социального насилия. Основываясь, в частности, на так называемом физиологическом принципе «пускового механизма» и механически перенося его действие в область социальных отношений между людьми, классами, государствами, они выдвигают идею о присущей человеку врожденной инстинктивной агрессивности.

Эта новая, модернизированная на основе последних теоретических и экспериментальных данных естественных наук разновидность социального дарвинизма всплыла на поверхность в последнее десятилетие прежде всего благодаря работам таких западных ученых, как К. Лоренц, Р. Ардри, Дж. Скотт, Д. Моррис, Т. Томпсон, А. Элланд, и ряда других.

Австрийский биолог Конрад Лоренц, которого называют «отцом социальной этологии», на основании изучения поведения некоторых видов животных в природных условиях одним из первых пришел к выводу, что при определенных обстоятельствах у большинства животных якобы автоматически срабатывает инстинктивный механизм

агрессии и они нападают на других представителей своего же вида. Эта «внутривидовая агрессия», по утверждению К. Лоренца, имеет столь же неодолимый и естественный характер, как, например, голод или половой инстинкт, и в свою очередь также служит целям сохранения вида.

Рассматривая любое агрессивное поведение животного в качестве спонтанной врожденной реакции, которая может в случае конфликтной ситуации усиливаться, но которая отнюдь не является ее непосредственным порождением, К. Лоренц и некоторые другие ученые заявляют, что именно проявление действия этого агрессивного инстинкта имеет одним из своих результатов строго ограниченное расселение особей одного вида на определенной территории.

От животных сторонники этологической трактовки социальных явлений переходят непосредственно к человеку и обществу.

Логика их рассуждений при этом сводится к следующему. Поскольку общепризнанно, что человек произошел из животного мира и наши далекие предки прошли через длительную эволюцию, прежде чем они стали тем, что мы называем *Homo sapiens*, постольку, считают они, человек должен обладать и всеми теми свойствами, которые присущи животным, включая и биологическую основу мотивации его агрессивного поведения.

Отмечая научно-методологическую несостоятельность подобного рода рассуждений, В. Холличер указывает на существующее здесь смешение психологических и физиологических понятий в определении мотивов человеческого поведения. Дело в том, что имеются факторы, составляющие физиологическую сущность мотиваций поведения человека, и факторы, составляющие основу его социальных поведенческих реакций. Ставить знак равенства между ними — значит противоречить данным науки и фактам объективно существующей действительности.

Признавая, что отношение человека к природе регулируется высшими центрами мозга, ряд буржуазных авторов в то же время утверждает, что во взаимоотношениях между людьми главную роль якобы играют эндогенные механизмы. Последнее и представляет, по их мнению, тот барьер, который человек не в силах преодолеть в попытках мирными средствами разрешить свои внутривидовые проблемы. Ссылаясь на данные нейрофизиологических ис-

следований внутримозговых механизмов, управляющих будто бы «агрессивным поведением человека», они доказывают, что эволюция не выработала в людях способность и потребность в обуздании своих инстинктов.

Очевидно, что при такой трактовке, как справедливо подчеркивает В. Холличер, проблема насилия выглядит по сути дела как проблема неразрешимых антиномий. Не случайно, ссылаясь на биогенетические корни агрессивного поведения людей, буржуазные идеологи делают самые пессимистические прогнозы в отношении возможности предотвращения войн и других проявлений насилия в общественной жизни. Так, американский психолог Артур Кестлер заявляет, что в силу «невозделываемости» и «иррациональности» своей природы человек является самым «жестоким из животных», ибо овладев тайнами природы, он использует достижения науки и техники во вред человеческому роду. Сочетание инстинктивной агрессивности с ракетно-ядерным оружием массового уничтожения ставит сегодня человечество на грань катастрофы, предотвратить которую, как он считает, практически невозможно¹.

Вскрывая метафизическую и идеалистическую сущность рассматриваемых буржуазных концепций, их абстрактный и спекулятивный характер, В. Холличер обращается к наследию академика И. П. Павлова, к трудам его учеников и последователей, показывая, что современные естественнонаучные исследования поведенческих реакций животных и человека подтверждают и экспериментально обосновывают диалектико-материалистическое учение марксизма-ленинизма о природе сознания и механизмах его функционирования. Психическая деятельность больших полушарий головного мозга, с которой непосредственно связано сознание и мышление, строго детерминирована и обусловлена определенными внешними причинами. Все рефлексы, как условные, так и безусловные, являются закономерной реакцией организма на действия внешнего и внутреннего мира, которая осуществляется с помощью центральной нервной системы.

Вся поведенческая деятельность человека независимо от конкретных индивидуальных особенностей и черт, а также функций и структур, при помощи которых она реа-

¹ A. Koestler, Man-mistake of Evolution?, «New York Times Magazine», December 19, 1970, p. 30.

лизуется в том или ином случае, носит социальный по своей сущности характер. Поэтому так называемая «инстинктивная основа» в данном случае коренным образом преобразуется и, можно сказать, диалектически снимается под воздействием такого определяющего фактора, как условия социального бытия индивида.

Биологические данные, несомненно, играют определенную роль в развитии психики человека, в формировании его индивидуального характера. Поэтому неправомерно было бы полностью отказываться от биологических, генетических, нейрофизиологических исследований природы человека, игнорировать новейшие данные естественных наук, помогающие раскрыть механизмы взаимодействия социального и биологического в сознании и поведении человека. Но если рассматривать основополагающие мотивы социального поведения человека, его нравственные принципы, нормы и ценности, оперируя только биологическими категориями и законами, как это делают буржуазные ученые, то неизбежным следствием оказывается искаженная картина действительности.

В. Холличер отмечает, что при аргументировании своих положений авторы концепций инстинктивной агрессивности человеческой природы проделывают по сути дела тот же методологический трюк, о котором упоминал в свое время Ф. Энгельс, подвергая критике антинаучные взгляды проповедников социал-дарвинизма. Вначале они переносят из общественной жизни в животный мир тезис Гоббса о «войне всех против всех», а затем с той же легкостью совершают обратный процесс: извлекают это учение из истории природы и вновь помещают его в историю общества. Вскрывая научную порочность и реакционность подобного рода методологии социал-дарвинизма, Ф. Энгельс писал: «...Взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Следовательно, уже в области природы нельзя провозглашать только одностороннюю «борьбу». Но совершенное ребячество — стремиться подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: «борьба за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 622.

Обстоятельному критическому анализу подвергает В. Холличер и так называемую концепцию «территориального императива», в основе которой лежит тот же тезис, будто бы корни всех проявлений агрессии и насилия заложены в атавизмах биологической природы человека. «Когда мы защищаем права или независимость своей страны, — пишет создатель этой концепции Р. Ардри, — мы действуем под влиянием побуждений, которые ничем не отличаются от соответствующих побуждений у более низкоорганизованных животных. Эти побуждения являются врожденными и неискоренимыми»¹.

Человек генетически запрограммирован на совершение насильственных действий, доказывает Р. Ардри, он бесслепен против инстинктов собственной природы, которые неотвратимо приводят его к социальным конфликтам и борьбе.

Распространяя открытый ими закон «инстинктивной агрессивности» на весь человеческий род и все общественные формации, буржуазные теоретики заявляют, что будто бы именно потому, что в природе человека независимо ни от каких общественных сдвигов и культурных достижений неизменно сохраняются врожденные каналы, через которые при определенных обстоятельствах агрессивные наклонности вырываются наружу, до сих пор все попытки предупредить или хотя бы ограничить проявления насилия в истории человечества оказывались бесполезными и терпели одну неудачу за другой.

Принципиально важное значение в этой связи имеет вскрытый и разоблаченный В. Холличером методологический прием авторов рассматриваемых теорий, который состоит в том, что они совершают абсолютно ложную по своей сущности экстраполяцию на все другие общественные формации некоторых специфических черт и социальных тенденций, присущих исключительно современному капитализму. Сознательно игнорируя принципиальное качественное различие между социализмом и капитализмом, как противоположными общественными системами, между монополистической буржуазией и трудящимися массами, как антагонистическими классами, они стремятся придать

¹ R. Ardrey, *The Territorial Imperative. A personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nations*, New York, 1966, p. 103.

буржуазным общественным отношениям и мировоззрению исторически универсальный и всеобщий характер, выдать идеалы и принципы капитализма за общечеловеческие, узаконить тем самым навсегда социальную рознь и вражду, милитаризм и войны.

В. Холличер показывает в своей работе, что все доказательства авторов теорий этологического характера агрессии и насилия опираются на абсолютно произвольные, спорные суждения по аналогии, сводятся к произвольно взятым ссылкам и примерам в поведении отдельных представителей животного мира. Характерно, что все эти ссылки и примеры ставятся под сомнение даже многими крупными буржуазными специалистами, которые отмечают не только их явную тенденциозность, но и научную несостоятельность по существу предмета исследования.

Человек в развитии своего сознания и бытия настолько далеко ушел от животного мира, что распространять закономерности последнего на человеческое поведение, его мотивы и механизмы с научной точки зрения абсолютно бесперспективно. Различные общественные формы деятельности человека детерминированы отнюдь не его биологической сущностью, но осуществляются прежде всего по законам общественного труда, законам развития определенного способа производства. Обладая специфической и уникальной в природе способностью сознательно производить орудия труда и целенаправленно использовать их в своем воздействии на окружающий мир, наличием второй сигнальной системы и связанной с ней членораздельной речью, человек выступает прежде всего как субъект труда, мысли, воли и общения.

На богатом историко-антропологическом материале В. Холличер показывает, что отождествление процессов функционирования животного мира и человеческого общества ведет к затупевыванию не только социально-классовых факторов, но и тех специфических особенностей, которые присущи человеку как общественному существу. Не случайно в работах буржуазных авторов нельзя найти даже упоминания о роли труда в выделении человека из животного мира, о влиянии общественных связей на формирование и развитие человеческой личности и ряда других важнейших факторов, определяющих специфические черты и признаки «человеческой природы».

Марксизм научно доказал определяющую роль социальной среды и конкретно-исторических условий на становление и развитие сознания и всей психической деятельности человека, его поведенческих реакций. Вступая в жизнь, человек прежде всего сталкивается с многообразным и сложным миром определенных, сформировавшихся до него социальных образований, отношений и связей, исторически сложившихся и господствующих в данном конкретном обществе традиций, норм права и морали, идеологических воззрений, эстетических вкусов и т. п. Вся эта так называемая «очеловеченная природа», обязательный процесс ее усвоения и играют решающую роль в формировании поведения и сознания человека, делают из отдельного индивида представителя определенного образа жизни, мировоззрения, культуры и психологии. Человек, подчеркивал К. Маркс, «только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества»¹.

Человек как выделившееся из животного мира общественное существо обладает характерными, специфическими для него чертами и признаками. В этом, и только в этом, смысле можно говорить о «человеческой природе». Но при этом нельзя забывать о том, что в процессе своей длительной и непрекращающейся эволюции человек приобретает определенные черты и признаки исключительно благодаря конкретным социальным и историческим условиям своего бытия. Не случайно, например, самой первой и главной чертой, приобретенной людьми, явилось взаимное сотрудничество сначала в процессе труда и подготовки к труду, а затем и в других областях жизни. Поэтому, справедливо подчеркивает В. Холличер, все то, что относится именно к человеческой природе, к поведению и сознанию человека, не является врожденным, а то, что есть в нем врожденного, не имеет, строго говоря, каких-либо специфически человеческих черт и не относится в прямом смысле к человеческой природе, как таковой.

Не менее антинаучный по своей гносеологической и методологической сущности характер, как показывает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 146.

В. Холличер, носят и все современные психологические концепции агрессии и насилия.

Им также присущ принцип сведения социальных явлений к индивидуальному поведению отдельно взятой личности, рассмотрение этого поведения как результата действия исключительно психологических факторов, отрыв психической деятельности человека от социально-материальных основ и сведение ее к сумме иррациональных инстинктов.

Теоретическая аргументация, к которой прибегают буржуазные проповедники психологических концепций насилия, связана с психоанализом З. Фрейда. И хотя в настоящее время большинство западных ученых формально отмежевываются от фрейдизма, фактически они продолжают вращаться в кругу все тех же идеалистических психоаналитических представлений о природе мотиваций человеческого поведения. Об этом свидетельствует даже самый общий сравнительный анализ положений и принципов психоаналитического учения Фрейда и некоторых современных неофрейдистских теорий агрессии.

Детерминирующим фактором всей общественной жизни в учении З. Фрейда выступают бессознательные врожденные инстинкты и иррациональные влечения человеческой психики. В его трудах нельзя найти даже намека на общественный характер взаимоотношений между людьми. Он анализирует лишь психическое состояние личности как основу всех социальных явлений и действий человека. При этом сама психическая деятельность человека рассматривается в отрыве от ее материальной основы — нейрофизиологических функций мозга и воздействия окружающей индивида внешней среды.

«Склонность к агрессивному поведению является неизбежным инстинктом человеческой природы. Этот инстинкт представляет серьезную помеху развитию цивилизации... — писал З. Фрейд. — Эволюция цивилизации есть по сути дела непрерывный процесс внутренней борьбы между инстинктами сохранения и воспроизводства жизни и инстинктом агрессии и истребления»¹. Из неосознанной инстинктивной враждебности, свойственной якобы ребенку

¹ S. Freud, Arguments for an Instinct of Agression and Destruction, Abstracts of the Standart Edition of S. Freud, National Institute of Mental Health, Rorkville, Mariland, vol. XXI, 1971, p. 152.

по отношению к родителям того же пола, Фрейд конструирует модель для всех позднейших проявлений агрессивности взрослого человека, феномена насилия в целом.

Как известно, свой тезис об «инстинктивной агрессивности» З. Фрейд применял не только для объяснения индивидуального поведения личности, но и распространял его действие на общественную жизнь. Потребность в ненависти и агрессивных действиях, утверждал Фрейд, заложена в человеческой психике от природы, и она неизменно проявляет себя в войнах, конкуренции, классовой борьбе, расовых и иных социальных конфликтах. Современные неофрейдисты идут в данном случае по его следам. Они доказывают, что корни всех проявлений насилия следует искать не в материальных отношениях и условиях жизни, а в индивидуальной психологии людей, в субъективном мире личности. «Проблема современного насилия — это проблема не социального, а психологического характера» — такова суть их исходного тезиса.

Один из основополагающих тезисов фрейдизма провозглашает неизбежность конфликта между личностью и обществом, извечную и неустранимую антагонистическую противоположность их интересов и целей. Общество по самой своей сущности всегда враждебно личности, считал З. Фрейд, ибо его главная функция — подавлять инстинкты, внутренние влечения человека. Исходя из абстрактно взятого человека и общества, З. Фрейд утверждал, что каждому индивиду в любой общественной системе присущи антисоциальные тенденции.

К этой стержневой идее психоанализа З. Фрейда сводится и вся логика рассуждений современных теоретиков неофрейдизма. Развитие цивилизации, заявляют они, неизбежно приводит к тому, что давление на личность оказывается большим по своей активности, чем способность человека к сублимации. Отсюда возникновение массовых неврозов и стрессовых ситуаций и, как следствие этого, небывалый рост проявлений насильственного поведения и агрессивных реакций индивидуального и коллективного характера.

«Современное насилие, — пишет английский теоретик Г. Вильсон, — это в подавляющем большинстве случаев своеобразная форма невротического протеста личности против различного рода давящих на нее стрессовых фак-

торов и условий социальной жизни, в которых ей часто бывает трудно адаптироваться»¹.

Решающую роль в современных буржуазных психологических концепциях насилия отводится механизму «фрустрации». Под этим понятием подразумевается порождаемое социально-экономическими, политическими, научно-техническими, морально-этическими противоречиями, ограничениями, условностями современного буржуазного общества чувство неудовлетворенности, возмущения и протеста, присущее сегодня большинству людей и особенно молодому поколению на Западе.

Концентрация внимания буржуазных авторов исключительно на подобного рода психофункциональном аспекте феномена насилия и агрессии делает невозможным в их исследованиях научно-объективный анализ тех реальных социальных условий и классово-политических факторов, которые лежат в основе этого явления.

Констатируя реальные и наиболее острые противоречия современного капитализма, их пагубное влияние на личность, психоаналитики не выходят за рамки традиционного для буржуазной науки абстрактного подхода к исследуемым социальным явлениям, к личности. Они фактически не делают никакого различия в психологии представителей различных классов капиталистического общества, ставят знак равенства между психологией эксплуататоров и эксплуатируемых, господствующих привилегированных «верхов» и угнетенных, необеспеченных «низов». Антинаучный характер подобного метода исследования очевиден. Хотя, конечно, все классы при капитализме связаны и зависят от одних и тех же общественных отношений, испытывают на себе их воздействие, но условия жизни каждого класса, его положение и роль в системе этих общественных отношений абсолютно различны, а следовательно, различны их психология, социальное поведение, чувства и устремления.

В основе «социальной конфликтности» как неотъемлемой и самой характерной черты современного капиталистического общества лежат, конечно, не биологические, психологические или какие-либо аналогичные факторы, на которые ссылаются буржуазные авторы. Отношения взаимной конкуренции и борьбы, антисоциальные чувства и

¹ См.: «20-th Century», London, 1965, vol. 173, № 1024, p. 25.

тенденции у людей капиталистического общества коренятся в господствующих здесь частнособственнических отношениях, являются неизбежным отражением и составляют неотъемлемую часть общей социально-правственной атмосферы этого общества. В этих условиях создается благоприятная почва для проявлений расизма, геноцида, неофашизма, наблюдается рост всех видов насилия и преступности.

Абсолютизируя социальные антагонизмы и пороки капитализма и перенося их на всю прошлую и будущую историю человечества, буржуазные теоретики предпочитают не замечать в жизни современного общества социальных явлений и процессов качественно противоположного характера, не видят или не хотят видеть тех прогрессивных тенденций и здоровых общественных сил, которые быстро растут и все решительнее выступают против прогнившего буржуазного общества.

Опыт социализма полностью подтверждает предвидение К. Маркса о том, что общественная собственность на средства производства не только сделает невозможной эксплуатацию человека человеком, но и послужит основой ликвидации всех антагонизмов и конфликтов между обществом и личностью, создаст между людьми, классами и нациями отношения, в корне отличные от тех, которые существуют при капитализме. Сформировавшиеся при социализме новые общественные отношения и новый тип личности дают одновременно и наглядное опровержение всех социал-дарвинистских и фрейдистских концепций. Опыт строительства многонационального советского государства, в котором господствуют отношения дружбы, сотрудничества и взаимопомощи между людьми и нациями, где все граждане независимо от их социального или национального происхождения имеют равные права и возможности для всестороннего развития и участия в общественной жизни, служит подтверждением истинности справедливых принципов марксизма-ленинизма, реальной возможности практического осуществления идеалов коммунизма. Выступая против современных реакционных буржуазных концепций насилия, которые пытаются низвести человека до уровня животного, находящегося во власти бессознательных темных инстинктов, марксисты защищают гуманизм, его высокие идеалы и цели, светлое будущее всего человечества.

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачили учение Мальтуса как попытку грубо фальсифицировать науку в интересах господствующих эксплуататорских классов, определили его сущность как гнусную клевету и низкое издевательство над природой и человечеством¹. Эта характеристика по сути дела справедлива и по отношению к современным буржуазным концепциям «инстинктивной агрессивности». В условиях, когда перед современным человечеством стоят большие и острые новые проблемы, пишет В. Холличер, биогенетические доктрины насилия претендуют на то, что они способны объяснить их, дать исчерпывающий и научно-аргументированный ответ на все эти проблемы, хотя в действительности они не только не способны понять реальный ход развития истории, но и сознательно искажают его, фальсифицируют данные человеческого познания действительности.

Конечно, к буржуазным ученым, исследующим те или иные аспекты проблемы социального насилия, нельзя подходить с одной меркой, причислять всех их к сознательным апологетам империалистической реакции. Как их научно-теоретические взгляды, так и общественно-политические позиции не являются однозначными. Вместе с тем, как показывает В. Холличер в своей работе, общая классовая ограниченность их мировоззрения неизбежно накладывает отпечаток на все исследования этой проблемы, предопределяет их идеалистический и метафизический характер. Независимо от субъективных позиций того или иного буржуазного теоретика, подчеркивает Холличер, пропагандируемые ими биопсихологические концепции насилия могут оказывать тлетворное влияние на массы, отвлекать их от активной и целенаправленной классовой и общедемократической борьбы, подрывать единство и сплоченность прогрессивных сил, борющихся против империализма, милитаризма и колониализма. Они призваны убедить трудящихся в бесплодности и ненужности революционно-освободительной борьбы и ликвидации капитализма под тем предлогом, что корень всех социальных зол и конфликтов находится не вне человека, а в нем самом, в его неизменной и порочной природе. Поэтому в современных условиях вопрос о природе и корнях политического насилия, его классовой сущности и направленности становится

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 11, стр. 313.

одним из важнейших и актуальных вопросов идейно-теоретической борьбы.

Безусловно, при исследовании сложного и далеко еще не до конца раскрытого современной наукой вопроса о нейрофизиологических и психологических механизмах агрессивных поведенческих реакций, а также морально-нравственных аспектах феномена социального насилия в целом возникает немало спорных проблем, объективных трудностей и противоречий. Это в какой-то степени находит свое отражение и в рассматриваемой работе В. Холличера.

На наш взгляд, некоторые выдвигаемые им положения носят пока еще дискуссионный характер, нуждаются в дальнейшей научно-экспериментальной разработке и подтверждении. Вряд ли можно безоговорочно согласиться и с рядом даваемых В. Холличером оценок характера и значения научного творчества некоторых западных ученых, с его трактовкой отдельных взглядов и теорий, имеющих распространение в буржуазной естественнонаучной и социальной мысли. В частности, представляется несколько преувеличенной оценка того влияния, которое, по мнению Холличера, оказывает фрейдизм на современную буржуазную социальную мысль. Нельзя, конечно, отрицать того, что многие ее представители тяготеют к идеям психоанализа. Вместе с тем даже наиболее «правоверные» неофрейдисты вынуждены признать сейчас теоретическую несостоятельность основных положений Фрейда применительно к социальному поведению личности и к явлениям общественной жизни в целом.

Не во всех случаях можно согласиться с правомерностью проводимой В. Холличером аналогии и тем более отождествления идей и положений И. П. Павлова и взглядов ряда современных буржуазных ученых — физиологов и психологов, пусть даже стоящих стихийно на материалистических позициях по рассматриваемым вопросам. И дело здесь, конечно, не только в конкретных различиях при трактовке отдельных специальных вопросов и различиях некоторых специфических деталей профессионального характера, а прежде всего в той принципиально, качественно иной общетеоретической основе и методологическом подходе, которые отличают последовательно диалектико-материалистическое павловское учение о высшей нервной деятельности от всех прошлых и современных

буржуазных нейрофизиологических, психологических школ и направлений.

Отдельные недостатки и неточности, многие из которых, кстати, следует отнести прежде всего за счет имеющихся еще многочисленных «белых пятен» в рассматриваемых областях научного знания, безусловно, ни в какой мере не снижают общей научно-теоретической ценности и идейно-политической актуальности книги В. Холличера. Все основные идеи и положения, излагаемые им, неизменно основываются на фундаменте диалектического и исторического материализма, проникнуты заботой о незыблемости и чистоте марксистско-ленинского учения.

Выпуск в свет книги В. Холличера на русском языке представляется, безусловно, своевременным и полезным. Комплексность и широта постановки исследуемых автором проблем, несомненно, привлечет к ней внимание не только ученых-обществоведов, но и биологов, физиологов, психологов и представителей ряда других естественных наук.

В. ДЕНИСОВ

Постановка проблемы

Вопрос о природе человека имеет более длительную историю, чем философия и ряд других наук. Задумываясь о природе вещей вообще, люди интересовались и этим вопросом еще во времена господства первобытных анимистических представлений; позже он стал объектом различных мифолого-религиозных спекуляций.

Со времен первобытной и ранней истории человечества до настоящего времени сохранилось немало подобных представлений о природе человека. Обычно они не возвышаются над уровнем «суеверий».

Однако проблема «природы человека» — этот термин употребляется здесь пока без пояснений — интересует нас не только потому, что в данном случае речь идет о нас самих, о нашем происхождении и нашем будущем. В течение всей истории развития мысли проблема человека неизменно вставала со всей остротой именно в те периоды глубоких конфликтов и переворотов, когда сама жизнь людей оказывалась под угрозой.

Те тревоги человека, которые в последнее время стали высокопарно называть «экзистенциальными страхами», в конечном счете всегда были связаны с заботами о существовании, причем удручающее несовершенство человека объявлялось главной опасностью для его жизни, а его собственная природа считалась причиной всего сомнительного и несовершенного.

В наши дни две трети человечества живут в условиях общего кризиса капитализма и сопутствующего ему идеологического кризиса. Эта перманентная кризисная ситуация связана с конечной стадией капиталистического обще-

ства. Несмотря на то что уже около миллиарда людей преодолели ее, построив социализм, империализм будет продолжать навязывать свои внутренние противоречия всему человечеству в форме внешних противоречий до тех пор, пока систему эксплуатации и истребления человека человеком не уничтожат во всем мире.

То обстоятельство, что капитализм не в состоянии решить жизненно важные проблемы, становится все очевиднее, хотя он и располагает достаточно действенными методами и аппаратом для маскировки своей несостоятельности и для того, чтобы затруднить возможность установления его подлинной вины перед человечеством (так называемая манипуляция общественным мнением служит лишь одним из этих методов).

Поэтому неудивительно, что в такой ситуации, когда одновременно с капитализмом реально существует социалистический строй, со всей остротой встает вопрос о путях развития человека и человечества. Однако ответ на этот вопрос предполагает исследование процесса становления современного человека.

На этот вопрос, касающийся сущности человека, давались и даются — в зависимости от общественной позиции и компетентности отвечающих — очень разные ответы.

Концепции человека у Зигмунда Фрейда — основоположника психоанализа и у Конрада Лоренца — одного из основателей этологии (науки о сравнительном поведении), которые рассматриваются в данной работе, могут быть изложены и оценены только с учетом упомянутого выше идеологического фона.

Ключ к классовому и объективному анализу их представлений о человеке дают осуществившиеся при социализме идеи Маркса о развивающихся социальных отношениях, которые составляют сущность человека. Эти идеи развиваются и обогащаются современными исследованиями ученых-марксистов.

Нередко воззрения о сущности человека, развитые Фрейдом и Лоренцом, представляют собой эрзац-идеологию для тех, кто уже утратил иллюзии в отношении господствующих капиталистических порядков, однако не согласен с марксизмом или недостаточно знает о нем.

Поэтому прежде всего следует охарактеризовать марксистское учение о человеке. Мы попытаемся сделать это на основе данных современной науки.

Основополагающим принципом для такого подхода является революционизирующая идея Маркса о том, что вся история есть не что иное, как постоянное преобразование природы человека; причем люди, воздействуя на мир и изменяя его, изменяют свою собственную природу, развивают «дремлющие в ней силы»¹.

Человек, по Марксу, является творцом самого себя, а исторический процесс есть в конечном счете процесс «абсолютного выявления творческих дарований человека», благодаря которому «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»².

Если попытаться раскрыть это определение, то, очевидно, процесс выявления дарований человека состоит прежде всего в развитии (а в настоящее время в окончательном освобождении от оков капитализма) его способностей, необходимых для все более усложняющейся производительной деятельности, для аналитического и синтетического познания действительности, для изобретательства, для художественного творчества и, наконец, для ответственного решения различного рода морально-политических проблем.

Таковы, на наш взгляд, масштабы творческого процесса, установленные в настоящее время: это процесс самосовершенствования человеческих сущностных сил и самих человеческих существ, социально-обусловленный и осуществляющийся благодаря труду. Он несет в себе тенденции, которые свидетельствуют о том, что количество этих сил и сферы их применения в будущем, несомненно, возрастут.

Выйдя из животного мира в историческом процессе непрерывной эволюции, человек благодаря универсальному труду отошел от мира животных и возвысился над ним, бесповоротно нарушив таким образом преемственность между историей природы и историей общества. С гоминизацией (процессом очеловечения) начался эмансипирующий процесс гуманизации вида «человек».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 188.

² Там же, т. 46, ч. I, стр. 476.

Процесс становления и гуманизации человека

Становлению человека в собственном смысле слова, то есть тому периоду, когда сформировались специфически человеческие черты, предшествовала длительная фаза становления вида, когда — согласно действующим и в настоящее время биологическим законам развития — возникли существа, способные выработать формы и способы человеческого существования. Причем, по последним данным новейших исследований, основанным на археологических находках в Северной Африке, зачатки развития биологического вида, от которого произошел человек, следует отнести к значительно более раннему периоду, чем было принято считать до сих пор. Предшественники современного человека жили уже в период миоцена четвертичной эпохи, то есть более двенадцати миллионов лет назад.

Переход от животного к человеку произошел во времена верхнего плиоцена, то есть приблизительно от пяти до трех миллионов лет назад. Именно в это время наши предки в своем развитии прошли ту стадию, которую гёттингенский антрополог Г. Хеберер называет «переходной областью от животного к человеку».

Появление обезьянолюдей, от которых берет свое начало человеческая линия, следует отнести к тому периоду, когда одна группа обезьян настолько обособилась от других групп данного вида, что между ними прекратились сколько-нибудь регулярные смещения.

Это обособление произошло в средний олигоцен, около 30 миллионов лет назад, среди обезьян, получивших на-

звание проплиопитеков (*Propliopithecus*). С этого времени, согласно Хебереру, начинается известная «самостоятельность человекообразных»¹.

Доказательством служит сходство жевательных поверхностей зубных коронок у сохранившихся ископаемых останков с аналогичными образцами у более поздних предков, относящихся к человеческой линии. Общность отправного пункта представляется доказанной, поскольку имеет место также совпадение ряда других признаков, несущественных в отношении адаптации.

Итак, с этого времени начинается расхождение двух линий эволюции: линии, ведущей к человекообразным обезьянам — шимпанзе, гориллам, орангутангам и гиббонам, — и линии, ведущей к современным людям.

После происшедшего разветвления на уровне проплиопитека, которое привело к обособлению родословного древа человекообразных обезьян, в миоцене встречается предположительно первая в подлинном смысле слова предчеловеческая группа, названная рамапитецинами, или рамапитеками (*Ramapithecus*).

Именно в это время, очевидно, выработалась прямая походка с ее далеко идущими взаимосвязанными (коррелирующими) последствиями: высвобождение передних конечностей, уменьшение лицевого скелета, который благодаря развитию кистей рук стал нести меньшую нагрузку; образование выпуклого свода черепа, благодаря чему увеличившийся в объеме мозг представил значительно большие возможности для развития слуховки и разума. Ближе всего к этой группе стоит кениапитекус африканус (*Kenyaipithecus africanus*), описанный Л. С. Б. Лики (1967).

Большое значение для эволюции человека имеет следующая группа предков современного человека — австралопитеки (*Australopithecus*). Австралопитеки, вне всякого сомнения, имели прямую походку, точно так же как и относящиеся к этой же группе хабилины (*Homo habilis*). Последние имели уже сравнительно большой мозг, приблизительно 685 см³, а также отставленный большой палец и использовали орудия.

Не исключена, однако, возможность, что все остальные австралопитеки отошли в сторону от позднейшего разви-

¹ G. Heberer, *Der Ursprung der Menschheit. Unser gegenwärtiger Wissensstand*, Stuttgart, 1967.

тия человеческого рода, образовав боковую ветвь, тогда как хабилины находятся с ним в прямой связи. Впрочем, это положение относится пока к числу дискуссионных и, возможно, будет пересмотрено в свете будущих открытий.

Хеберер придерживается мнения, что *Homo habilis* уже является в подлинном смысле слова человеком. Причем его характеристика в известной степени соответствует марксистскому пониманию человека. Об этом свидетельствует следующее высказывание Хеберера: «„Настоящими людьми“ мы называем такие живые существа, которые не только используют орудия, но, кроме того, могут находить и лучшие способы применения этих орудий путем их усовершенствования для определенных целей, то есть изготовляя инструменты. Животные делают это только в исключительных случаях и из одного наиболее доступного для них материала, а именно из ветвей деревьев и других древесных материалов. Но чтобы человекообразная обезьяна была в состоянии снабдить камень острием или путем ряда умело нацеленных ударов изготовить, например, *pebble-tool*, инструмент из камня, представляется маловероятным. Это в равной мере относится и к костному материалу. То существо, которое способно на это, уже преодолело переходную область от животного к человеку — оно изготовляет инструмент с определенной целью, а именно для того, чтобы в будущем использовать его для других видов деятельности. Тот же, кто впоследствии изготовил инструменты с целью создания с их помощью новых инструментов, ничем уже не отличается от современных людей, разве только уровнем своего мировоззрения. Поэтому, на наш взгляд, мы должны признать в австралопитеках первых «настоящих» людей. Мы преднамеренно называем их «древнейшими людьми». Им предшествовали «предлюди», за ними последовали «ранние люди» (*Homo erectus*)»¹.

За ранними людьми (известные археологические находки были сделаны на Яве, недалеко от Пекина, в Марокко, в Южной Африке, близ Гейдельберга, совсем недавно — в Вертешцеллесе), объем мозга которых более чем на 100 см³ превышал объем мозга хабилинов, последовали древние люди — «неандертальцы», у которых была отчет-

¹ «Reicht die Stammesgeschichte der Menschen 30 Mio. Jahre zurück?» в: «Umschau in Wissenschaft und Technik», 8/1968.

ливо выражена прогрессирующая тенденция к увеличению мозга (более 1100 см³). То же самое наблюдалось позже, во второй половине последнего ледникового периода, у кроманьонцев, представляющих собой переходный тип к современному *Homo sapiens*.

Объем мозга современных людей составляет в среднем у европейцев: у мужчин около 1450 см³, у женщин, отличающихся меньшим ростом, около 1300 см³.

К. Маркс, который еще не имел возможности судить об этом материале (первые останки *Homo erectus* были найдены Э. Дюбуа на Яве только в 1890 году), в известном разделе «Капитала» о процессе труда указывал, что сознательной трудовой деятельности, которая доступна только разумным людям, предшествовала первобытная фаза, «когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы»¹.

Сравнительное изучение поведения современных человекообразных обезьян может служить доказательством существования таких инстинктивных предстadium разумной трудовой деятельности.

За инстинктивной деятельностью следует полуинстинктивная в том случае, если возникли условия, при которых биологически-стадная жизнь модифицируется в первичные формы общественной жизни. Новый способ существования живой материи — историко-человеческий — приходит на смену способу существования живой материи, определяемому исключительно законами природы.

Моделью может служить поведение и способ научения человекообразных обезьян, живущих в человеческой среде. Так, Адриан Кортлэндт, занимаясь сравнительным изучением поведения животных, констатировал у живущих в наши дни шимпанзе инстинктивное применение естественных вспомогательных средств — в отличие от более позднего, привычного употребления собственноручно изготовленных орудий труда². Хотя люди вопреки прежним представлениям, согласно которым предка шимпанзе — «проконсула» считали также и предком человека, безусловно, не связаны с шимпанзе прямым родством, однако поведе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189.

² A. Kortlandt, Handgebrauch bei freilebenden Schimpansen. в: B. Rensch, Handgebrauch und Verständigung bei Affen und Frühmenschen, Bern, 1968, S. 79 ff.

ние последних представляет большой познавательный интерес для изучения предчеловеческой истории.

В ряде экспериментов, проведенных в Центральной Африке, удавалось вызвать у группы шимпанзе агрессивную реакцию при виде матерчатого чучела леопарда, которое при помощи механического устройства качало головой и махало хвостом. Шимпанзе угрожали своему традиционному врагу сломанными и очищенными от листьев стволами и ветвями деревьев и забрасывали мнимого леопарда камнями. На отснятой киноплёнке было видно, что шимпанзе пользовались этими орудиями инстинктивно: техника «фехтования» дубинкой. Однако никогда не приходилось наблюдать, чтобы они использовали такие приемы против представителей своего вида.

Аналогичные способности, конечно, могли приобрести и наши предки благодаря мутации, то есть изменению врожденной способности, и в дальнейшем путем естественного отбора закрепить их. Произошло это в период переселения из лесов в лесостепи, где вертикальная походка облегчала поиски пищи и своевременное обнаружение врага. При этом некоторые факты говорят за то, что так называемое внедрение (Annidation) наших предков в географические районы (биотопы) с особыми обманчивыми в отношении отбора условиями было связано с привычками охоты и способом пожирания добычи у хищных кошек, густо населявших в то время эти ареалы. Эта взаимосвязь прежде не принималась во внимание.

Падберг описывает этот процесс следующим образом: «Возможности для пропитания, которые имелись в субгуманную и раннегуманную фазу в лесостепи и в саванне, состояли прежде всего в том, что остатки трапез фелидов (хищных кошек. — В. Х.), забитая и растерзанная ими дичь, а также умирающая и уже погибшая дичь выслеживалась и служила пищей. Такая пища была всегда доступна, более того, при предполагаемом обилии дичи этой пищи было больше чем достаточно. Если при этом учесть еще способ охоты и привычки пожирания пищи у больших хищных кошек, то тогда можно считать вполне приемлемой гипотезу, что человек в те времена разыскивал и потреблял главным образом задранный дичь...»¹.

¹ W. Padberg, Annidation und Hominisation, «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift», 8/1967, S. 7.

Львы, например, часто прежде всего выщипывают кровь у своей добычи, которую они убивают, перекусив шейную артерию, после чего бросают свою жертву и лишь позже возвращаются к обескровленной падали, оставляя тем самым охотникам за мертвечиной или сборщикам мяса (meat-collectors) достаточное количество времени для того, чтобы воспользоваться ею. Кстати, имеются сведения, что бушмены в прошлом также вместо того, чтобы охотиться самим, именно таким образом добывали себе пищу.

Не исключена возможность, что шимпанзе вторично вернулись в девственный лес, точно так же как среди людей это сделали бушмены. Кортландт в этой связи указывает на одно обстоятельство, которое представляет интерес также для предыстории языка¹ и потому заслуживает упоминания.

Существует предположение, что уже в мире низших животных имеют место передачи сигналов, несущих определенную информацию, хотя, конечно, такая передача не имеет ничего общего с преднамеренным использованием знаков. Передаются лишь звуки возбуждения без намерения передать сообщение, которое могло бы быть понято.

Дж. П. Скотт² ввел для этого явления общее понятие «алломиметическое поведение», обозначающее активность членов одной группы, которые приблизительно в одно и то же время занимаются одним и тем же видом деятельности, взаимовлияя друг на друга. Такое поведение называют также «заразительным» поведением, поведением, передающим настроение, и поведением «делай вместе со мной» («Mach-mit-Verhalten»). Оно играет решающую роль прежде всего у стадных животных, так как стадный образ жизни идет на пользу группе лишь в том случае, если определенные формы поведения внутри группы носят упорядоченный характер относительно времени и пространства.

Живущие на свободе шимпанзе ориентируются друг на друга преимущественно при помощи немых жестов, подобно невоспитанным детям, когда они указывают на что-нибудь пальцем. Только состояния аффекта выра-

¹ A. Kortlandt, op. cit., S. 98.

² J. P. Scott, Animal behavior, The University of Chicago Press, 1958.

жаются у них бурно и шумно. Из этого, однако, отнюдь не следует, что звуковой язык развился из языка жестов. Что касается шимпанзе, то такому заключению противоречит так называемый младенческий лепет их детенышей, подобный лепету ребенка, служащему игровым упражнением для контроля за ощущениями и движениями, необходимыми для будущего процесса говорения и слушания речи.

Однако умение детенышей шимпанзе в раннем возрасте издавать звуки не имеет последствий. Более того, шимпанзе, выпедившие из младенческого возраста, даже пугаются звуковых сигналов.

Это обстоятельство дает также повод усомниться в верности выводов, сделанных американскими исследователями, которые, обработав с помощью ЭВМ данные записей голосов обезьян-резусов, пришли к заключению, что определенные виды приматов из-за анатомо-физиологических особенностей строения не способны издавать звуки, подобные звукам человеческого голоса. Как уже было сказано выше, у детенышей шимпанзе детский лепет вполне возможен. Разнообразный набор звуков, произносимых человеком, имеет предпосылкой способность глотки изменять свой объем с помощью подвижного корня языка.

Кортлэндт делает предположение, что предки шимпанзе, так сказать, утратили речь, когда они от жизни в открытых саваннах, совместной с предками людей, вернулись в девственные леса. Издавать звуки в саваннах было для шимпанзе не так опасно, ибо опасность могла быть своевременно замечена визуально. Согласно Кортлэндту, у шимпанзе в дальнейшем возникло торможение к издаванию звуков, потому что любой шум в непросматриваемом девственном лесу легко мог привлечь внимание хищников.

Следовательно, младенческий лепет у детенышей шимпанзе, возможно, является унаследованным родовым признаком, сохранившимся от того времени, когда предки шимпанзе еще могли, не подвергая себя никакой опасности, шумно выражать те возбуждения, которые алломиметически передавались от одной особи к другой. В сочетании с человеческим трудом они послужили предпосылкой возникновения языка, мышления и сознания, то есть того, что сделало возможным развитие человека

уже преимущественно не в биологическом, а в общественно-историческом плане, предпосылкой процесса создания собственно человека.

Следует заметить, что человек путем соответствующей дрессировки и обучения может передать определенные речевые навыки способным к этому животным (например, шимпанзе и дельфинам), которые не в состоянии достигнуть этого самостоятельно.

Так, американская супружеская чета Гарднер опубликовала результаты экспериментов, проводимых ими с 1966 года¹. Они обучали детеныша шимпанзе женского пола, взятого приблизительно в возрасте 8—14 месяцев и названного Вашо, языку жестов по системе ASL (American Sign Language), которой пользуются в США глухонемые и в которой определенные положения кистей рук или жесты соответствуют определенным словам или понятиям.

В комнате Вашо, которая была специально оборудована так, чтобы стимулировать детеныша шимпанзе к наибольшей активности, люди, являющиеся ее приемными родителями, пользовались для подачи знаков исключительно языком жестов. Знаки-жесты демонстрировались Вашо до тех пор, пока она не начинала понимать и имитировать их. В награду за правильное употребление языка жестов ее щекотали, что молодые шимпанзе очень любят. Через 22 месяца, как сообщается в публикации, Вашо овладела 34 знаками, среди которых были (в переводе с ASL на русский): подойди-дай; больше, вверх, сладкий, открой; щекотать; иди прочь; пить; прости («sorry» — когда она просила прощения за то, что укусила); пожалуйста; кошка; меня (если, например, Вашо спрашивали: «Кого пощекотать?» — она отвечала: «Меня!»). Под словами «цветок» и «собака» («flower» и «dog») она понимала не только один определенный цветок, одну определенную собаку, а любой экземпляр этого вида. Правда, вначале слово «цветок» для Вашо имело слишком обобщенное (генерализованное) значение. Она обозначала словом «цветок» все, что имело запах, даже кисет с табаком. Слова «собака» и «лаять» она различала с трудом. (Очевидно, Гарднеры не были знакомы с ме-

¹ R. A. Gardner, B. T. Gardner, Teaching Sign Language to a Chimpanzee, «Science», vol. 165, № 3894 (15 August 1969), p. 664—672.

тодами обучения М. М. Кольцовой, которые облегчают в данном случае дифференциацию.)

Вашо ошеломила всех, когда спонтанно начала комбинировать понятийные знаки в сложные понятия и даже строить простейшие предложения — и все это еще в младенческом возрасте! (Шимпанзе до двух лет находятся в полной и до четырех лет в значительной зависимости от своих родителей, в восемь лет у них начинается половое созревание, и лишь к двенадцати годам они становятся взрослыми.)

Итак, человекообразного шимпанзе, который в нормальных для него условиях жизни не способен к речи, можно частично обучить тем навыкам, которые только у человека вырабатываются самостоятельно.

Возможно, что способность к речи, которая существовала по прямой родословной линии человека еще до возникновения языка, в значительной мере способствовала становлению самого человека. Нельзя недооценивать значения такой предрасположенности к речи для эволюции¹, как, впрочем, нельзя недооценивать вообще предрасположенности к определенному поведению и определенному строению тела.

Описанные выше новейшие исследования еще раз подчеркивают, что необходимо не только видеть за преемственностью нарушение преемственности, но также проследивать за нарушением преемственности ее наличие, то, что в одно и то же время и отделяет человеческое существование от животного и в определенном аспекте соединяет с ним.

В 1876 году Ф. Энгельс написал работу «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», опубликованную в 1896 году. Уже в самом ее названии в сжатой форме был выдвинут марксистский тезис, который теперь признается многими буржуазными учеными, хотя его происхождение либо остается неизвестным, либо замалчивается.

В работе Энгельса мы читаем: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий

¹ W. Tschernetzky, *Dolphins and the mind of Man*, «New Scientist», London, 22 August 1968, p. 377—380.

мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству. А параллельно с дальнейшим развитием мозга шло дальнейшее развитие его ближайших орудий — органов чувств... А чувство осязания... выработалось только вместе с развитием самой человеческой руки, благодаря труду.

Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию. Это дальнейшее развитие с момента окончательного отделения человека от обезьяны отнюдь не закончилось, а, наоборот, продолжалось и после этого; будучи у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, иногда даже прерываясь местными и временными движениями назад, оно в общем и целом могучей поступью шло вперед, получив, с одной стороны, новый мощный толчок, а с другой стороны — более определенное направление благодаря тому, что с появлением готового человека возник вдобавок еще новый элемент — *общество*¹.

В «Капитале», описывая труд, уже утративший свою первоначальную инстинктивную форму и ставший исключительно достоянием человека, достигшего определенного уровня развития, Маркс подчеркивает, что человек, овладев звуковым и образным языком, научился в процессе труда руководствоваться целевыми представлениями и целевыми понятиями, то есть моделью труда, предварительно построенной в голове.

«Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов, — пишет Маркс. — Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 490.

как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹.

Таким образом, через такой «процесс, совершающийся между человеком и природой», человек способствует «обмену веществ между собой и природой», регулирует и контролирует его особым, специфически человеческим способом, свойственным только ему одному. При этом изготовленные им самим средства труда он «помещает между собой и предметом труда...».

«Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда... Употребление и создание средств труда, хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как «a toolmaking animal», как животное, делающее орудия»².

Так как труд человека всегда осуществляется в общественной среде, он всегда был и остается общественным трудом.

Если не принимать во внимание естественную историю эволюции труда — от инстинктивного к полуинстинктивному и, наконец, к осознанно-целенаправленному, — то в результате можно прийти к антиматериалистической мистификации типа той, какую преподносит, например, патер Густав Веттер, критикуя диалектический и исторический материализм.

Он заявляет: «Производство есть феномен, целиком и полностью определяемый духом... Таким образом, без сознательной человеческой деятельности не может быть создано ни одно орудие труда»; отсюда он делает вывод, что «способ производства... насквозь пропитан духом, следовательно, в конечном счете историю определяет отнюдь не материальный фактор»³.

Критика такого сорта нашла своих подражателей. Патер Марсель Рединг противопоставляет марксизму аналогичные аргументы, только в еще более откровенной форме. Он пишет, что, согласно Марксу, «производство... является духовной деятельностью. Только человек может

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189.

² Там же, стр. 188, 190—191.

³ G. A. Wetter, Sowjetideologie heute — Dialektischer und historischer Materialismus, Frankfurt/Main, 1962, S. 188 f.

трудиться, животные не трудятся. Следовательно, утверждение Энгельса, что обезьяна благодаря своему труду превратилась в человека, с позиции Маркса, представляется невозможным»¹.

Автор этих строк на одной из конференций, где Рединг выдвинул этот аргумент, возразил ему так: «Мнимый парадокс между трудом как специфической деятельностью человека и трудом, который в то же время является фундаментом становления самого человека, может быть разрешен, если провести разграничение между предварительными стадиями труда и собственно трудом. В «Капитале» Маркс подчеркивает, что, рассматривая труд, он имеет в виду только полностью развитый труд; в связи с критикой политической экономии это также совершенно очевидно. Все это свидетельствует о том, что Марксу было известно также понятие неполностью развитого человеческого труда, то есть предчеловеческая форма труда, которая развивается в переходный период становления человека. Этому посвящено немало страниц в «Немецкой идеологии» (работе, написанной совместно Марксом и Энгельсом). Речь идет о переходе от инстинктивного труда наших предков, которые еще не были настоящими людьми, ко все более осознанному труду человека, становящегося подлинным человеком. Это и есть переход от случайного использования подручных средств, созданных самой природой, к привычному пользованию самостоятельно изготовленными орудиями труда. Таким образом, тезис марксизма о превращении обезьяны в человека благодаря труду перестает казаться мистификацией, точнее говоря, «расшифровывается»². Следовательно, этот тезис не ведет ни к какому парадоксу.

Противопоставление «материи» «духу» возникло не в связи с теорией познания, а в связи с историей развития общества и возникшего в классовом обществе антагонистического противоречия между эксплуатирующими работниками умственного труда и эксплуатируемыми работниками физического труда.

¹ M. Reding, Deligion als Uberbau, в: «Gespräche der Paulus Gesellschaft — Christentum und Marxismus heute», Wien — Frankfurt — Zürich, 1966, S. 46.

² W. Hollitscher, Menschenwerdung durch Arbeit, в: «Gespräche der Paulus Gesellschaft — Christentum und Marxismus heute», S. 130.

«Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности»¹, — писал Маркс.

В ходе эволюции труда, общественного разделения труда в классовых антагонистических обществах возникли как нечто само собой разумеющееся привилегии для работников, занимающихся преимущественно умственным трудом. Однако в настоящее время, в условиях научно-технической революции, они по сути дела отменяются для большинства таких работников: условия труда интеллигенции в капиталистическом обществе, которая занята на фабриках, в лабораториях, конструкторских бюро, в счетно-вычислительных центрах, где она работает под надзором администрации, все больше приближаются к условиям труда квалифицированного пролетариата, разрушая иллюзии интеллигенции и способствуя ее солидарности со всеми остальными трудящимися.

В условиях социализма противоречия между физическим и умственным трудом окончательно устраняются благодаря обобществлению собственности на средства производства и постепенному преодолению существенных различий между умственным и физическим трудом. Таким образом, исчезает основание для ошибочного противопоставления тела и духа в процессе труда.

Антинаучное противопоставление «тела» «духу» в процессе труда, приводящее к мистификации процесса становления человека, недопустимо дополнять аналогичной мистификацией самого процесса гуманизации, становления специфически человеческих качеств. В последнее время подобная мистификация стала модной среди критиков марксизма, а также среди тех, кто называет себя «современными марксистами». В этой связи следует отметить, что молодой Маркс, работы которого буржуазные исследователи пытаются противопоставить «позднему» Марксу, вместе с Энгельсом боролся против аналогичных извращений буржуазных идеологов своего времени.

Он писал: «В индивидах, уже не подчиненных более разделению труда, философы видели идеал, которому они дали имя «Человек», и весь изображенный нами процесс

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 516.

развития они представляли в виде процесса развития «Человека», причем на место существовавших до сих пор в каждую историческую эпоху индивидов подставляли этого «Человека» и изображали его движущей силой истории. Таким образом, весь исторический процесс рассматривался как процесс самоотчуждения «Человека»; объясняется это, по существу, тем, что на место человека прошлой ступени они всегда подставляли среднего человека позднейшей ступени и наделяли прежних индивидов позднейшим сознанием. В результате такого переворачивания, заведомого абстрагирования от действительных условий и стало возможным превратить всю историю в процесс развития сознания»¹.

Наряду со строением человеческого тела, которое возникло на определенном этапе естественной истории и затем в результате происходящего в процессе труда «обмена веществ с природой» претерпевало общественно-обусловленную модификацию, наряду со всеми функциями организма, включая и функцию мозга, выработались также и специфически человеческие формы активно-сознательного психического овладения действительностью. Начался процесс формирования чувств, которые, согласно Марксу, являются «работой всей до сих пор протекшей всемирной истории»² — воспитания чувств, потребностей, мышления, воли, короче говоря — сознания. Марксистский материализм отнюдь не отрицает значения сознания, а напротив, пытается найти ему научное объяснение.

Все проявления человеческого сознания реализуются в общественно-обусловленной среде. В результате развития у человека способности к труду и речи произошел разрыв между проявлениями сознания у человека и соответствующими проявлениями у животного. Тем не менее нельзя отрицать общность их происхождения — общие корни, из которых они выросли.

Так, очевидно, уже «предлюдям» (Vormenschen) в значительной степени была присуща восприимчивость органов чувств, за исключением, пожалуй, чувствительности кисти руки, достигнутой человеком в процессе эволюции труда.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 69.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 594.

В человеческих взаимоотношениях нередко приобретает значение то, что совершенно безразлично для животного. Специальные, обусловленные профессией требования, предъявляемые, например, к дегустаторам вина, сыра, табака или экспертам по сукну (которые, выстукивая сукно, определяют его качество), а также требования к врачу, который при обследовании больных пользуется методами аускультации и перкуссии, приводят к обострению соответствующих чувств.

Точнее говоря, в подобных случаях приобретают значение такие чувственные дифференциации, которые могут развиваться только у работающего в данной области человека и которые совершенствуются при дальнейшем развитии профессиональных навыков.

Восприятие, вырастающее из ощущений, сочетается у человека с процессом познания (который стал возможен только после овладения речью): с узнаванием воспринимаемого.

Правда, когда описанная выше шимпанзе Вашо спонтанно при помощи жестов, как бы заклиная холодильник, который на языке жестов по системе ASL называется «cold-box» (холодный ящик), стала называть его «open-food-drink»¹ (открой — еда — питье!), то здесь обнаружилась ее способность (перенятая от окружавших ее людей) находить новые черты в уже знакомом.

Таким образом, необходимость выражать свои мысли словами обостряет у человека не только разум, но и зрение и все другие способности, на базе которых возникают представления.

То же самое относится к человеческой памяти: слово помогает лучше запечатлевать и вновь узнавать ранее узнавшее, способствует соединению воспоминаний в самые разнообразные цепи ассоциаций, насыщенных определенным содержанием. Особенно наглядно проявляется нарушение преемственности и качественное отличие человека от животного мира в специфике человеческих потребностей, их отличии от потребностей животных.

Первичные потребности, при которых состояния нехватки являются непосредственно органически обусловленными, как и приобретенные вторичные потребности,

¹ R. A. Gardner, B. T. Gardner, op. cit., p. 671.

вытекающие из изменившейся внешней ситуации, свойственны в одинаковой степени и животному, и человеку. Однако особые человеческие потребности формируются в процессе труда, в общественной среде.

Производство развивало и развивает у человека именно те потребности, которые удовлетворяются при потреблении. Однако это означает, что общественное производство определяет потребности по их качеству и количеству, а уже имеющиеся потребности в свою очередь определяют производство — последнее в рамках имеющейся экономической структуры общества, которая определяет структуру потребностей и обеспечивает или не обеспечивает возможности их удовлетворения.

Маркс и Энгельс четко сформулировали основное положение исторического материализма о том, что «первая предпосылка всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории», состоит в том, «что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни...». Причем «сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»¹.

Еще раньше Маркс в шестом тезисе о Фейербахе отметил: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»². Из этого Мартин Дёблер с полным правом делает вывод о том, «что потребности выражают первично обусловленную обществом взаимосвязь, означают всеобщее общественное отношение»³.

Маркс выдвинул и доказал положение о том, что «потребности производятся точно так же, как и продукты»⁴,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 26—27.

² Там же, стр. 3.

³ M. Döbлер, Triebkraft, Bedürfnis, Berlin, 1969, S. 55.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. II, стр. 18.

что они вытекают из общественного производства и общественных отношений, включая — об этом он говорил, возражая Адаму Смиту, — и «потребность в нормальной порции труда»¹.

Развитие человеческих потребностей в первобытном обществе и далее в классовых обществах приводит в конечном итоге к необходимости коммунистической организации общества. Только такая организация общества сделает возможным для всех удовлетворение потребностей, которое не будет знать никаких других ограничений, кроме существующего уровня развития самих потребностей, — таков был вывод, который сделал Маркс из своих философских и экономических исследований.

В эксплуататорских же обществах, напротив, создаются деформирующие условия для развития потребностей, вследствие чего определенные потребности могут «удовлетворяться за счет всех других... тем самым делается невозможным свободное развитие целостного индивида»² — та «универсальность потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданная универсальным обменом», которая делает возможным «абсолютное выявление творческих дарований», ставшую самоцелью «целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил, как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*»³.

Подведем итоги. Унаследованные от животных предков потребности модифицируются и продолжают развиваться благодаря условиям жизни, которые создают сами люди: развивающийся процесс формирования человечества связан с растущей культивацией его потребностей. Вместе с людьми развиваются их потребности, а вместе с потребностями — сами люди.

Это может служить еще одним подтверждением того факта, что людям отнюдь не свойственна неизменная природа. Конечно, потребности людей развились из природы их животных предков в процессе становления человека. Однако первостепенным здесь является то, что «наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. II, стр. 109.

² Там же, т. 3, стр. 246.

³ Там же, т. 46, ч. I, стр. 476.

му мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны»¹.

В том же самом смысле и в той же связи Пауль Баран также называл высказывания о неизменности природы человека «метафизическим обскурантизмом», при этом он высказал мысль, что человеческие потребности представляют собой «комплексные исторические феномены, которые отражают диалектическое взаимодействие между физиологическими потребностями, с одной стороны, и господствующим экономическим и социальным строем, с другой стороны».

«От физиологических потребностей можно иногда в интересах анализа абстрагироваться, так как они относительно постоянны,— пишет П. Баран.—...И в этом случае можно и нужно на законном основании рассматривать человеческие потребности как «искусственные», то есть как потребности, определяемые типом экономического и социального строя, при котором живут люди»².

Качественная — а не количественная! — неистощаемость человеческих потребностей является, таким образом, отнюдь не биологическим, а общественным феноменом. В отличие от животного, которое «производит лишь под властью непосредственной физической потребности», человек «производит даже будучи свободен от физической потребности... Животное формирует материю только соответственно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида»³, — подчеркивал еще молодой Маркс, заостряя тем самым внимание на самой сути дела.

Извращение тех потребностей, которые несут на себе отпечаток манипуляции массами в обществе монополистического капитала, служит негативным доказательством исторического характера потребностей человека. Буржуазные идеологи, изучающие эту систему манипуляций, с удовлетворением или грустью заявляют, что подобные потребности непреодолимы. Они заблуждаются. Человече-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 446.

² Р. Ваган, *Politische Ökonomie des wirtschaftlichen Wachstums*, Neuwied am Rhein, 1966, S. 16.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 566.

ская потребность жить по-человечески неизмеримо сильнее! Во всяком случае, стремление к удовлетворению самопроиздуцируемых потребностей является одной из важнейших движущих сил прогрессивного общественного развития.

С увеличением количества производимых предметов и улучшением их качества растут и развиваются человеческие потребности. При этом в антагонистических общественных формациях, где продукты труда «отчуждаются» от их производителей из-за эксплуатации — к этому добавляется взаимное отчуждение антагонистических классов и отчуждение индивидов от их собственных потенциальных возможностей развития, — потребности, как соответствующие нуждам, так и деформированные, способствуют порабощению трудящихся существующими условиями жизни общества и в то же время приводят к бунту против этих условий.

В свободном от эксплуатации обществе, напротив, соразмерные действительным нуждам потребности гарантируют всем членам общества дальнейшее развитие их основных сил.

Ф. Энгельс писал: «Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планового применения, общество уничтожит существующее ныне порабощение людей их собственными средствами производства. Само собой разумеется, что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека. Старый способ производства должен быть, следовательно, коренным образом перевернут, и в особенности должно исчезнуть старое разделение труда. На его место должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд вместо того, чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности как физические, так и духовные, — где, следовательно, производительный труд из тяжкого бремени превратится в наслаждение»¹ — то наслаждение жизнью,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 305.

которое в обществе, достойном человека, может быть удовлетворено, хотя оно никогда не будет утолено полностью.

В процессе гоминизации и гуманизации возникла и развилась человеческая способность к мышлению, которая только у человека проявилась спонтанно. Эта способность — как внутренний рефлекс речи — связана с языком и предполагает регулярное использование знаков, которые определенным образом отражают действительность.

При этом языковой материал, имевший первично акустическую форму — произнесенные слова могут быть переданы и услышаны и в темноте, и из-за укрытия, — может употребляться в соответствии с правилами отражения и в других формах: оптической, жестовой и даже в виде образных картин.

Таким образом, мысли про себя, когда непроизносимые слова сочетаются с семантически (знаково) значимыми образами, — порой очень детальные, порой только схематические — возможны лишь у человека, так как представляют собой специфически человеческую способность к отражению, а именно понятийное отражение действительности, или же способность создавать реалистические (или фантастические) картины действительности.

Всякое мышление носит обобщающий характер, как бы конкретен ни был предмет мышления; оно в значительной мере отказывается от всего единственного в своем роде, от *hic-et-nunc* (здесь-и-сейчас), чтобы сделать возможным повторное употребление знаков.

Однократное указание, простое указывание на что-то, имеющееся «здесь-и-сейчас» и названное только для этого конкретного случая, не представляет собой акт языковой деятельности, не является знаком, обозначающим что-то, а в лучшем случае является разве лишь признаком чего-то.

То обстоятельство, что предусматриваются повторное использование и новые комбинации знаков, позволяет предвидеть возврат к тому же самому (хотя, конечно, так как уже прошло какое-то время, всегда не совсем к тому же самому), а также и появление чего-то ранее не существовавшего.

Таким образом, нам дано прогнозировать и фантазировать. Всякое мышление несет в себе зародыш творчества: новаторства в труде, познания, изобретательства, ху-

дожественного творчества, выбора действия из имеющихся альтернатив, которые мы мысленно обсудили.

Мы свободны, если нас не принуждают и если мы принимаем решения и действуем не по неведению, так как добровольными могут считаться лишь те действия, «принцип коих находится в самом действующем лице и которые совершаются, когда все обстоятельства, касающиеся какого-либо действия, известны действующему лицу»¹. Об этом знал уже Аристотель в отличие от тех, кто пытается представить возможную свободу воли и поступков человека как мнимую недетерминированность происходящего, не понимая, что и принуждение, и самоопределение предполагают наличие у людей детерминированных мотиваций и что недетерминированный характер человеческих действий и поступков делает их в одно и то же время и непредвиденными, и безответственными.

Именно это имел в виду Энгельс, когда писал, что «не в воображаемой независимости от законов природы» и общества заключается свобода, «а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека». Таким образом, «свобода» — «не что иное, как способность принимать решение со знанием дела»².

Такая свобода имеет свою долгую историю. Если, наконец, «законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству» и «с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»³.

¹ *Этика Аристотеля. Книга III, § 3, О свободе воли, Спб., 1908, стр. 41.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116.*

³ *Там же, стр. 294—295.*

Что конкретно нужно делать, чтобы содействовать прогрессивному изменению мира? — таков основной вопрос любой ориентированной на действительность этики и политики. От того, будет ли дан на него ответ с позиций прогресса, зависит дальнейшее развитие процесса гуманизации.

Необходимо сознательно и решительно содействовать прогрессу, чтобы создать условия, при которых в конечном итоге станет возможной многогранная деятельность людей, а следовательно, и развитие всех человеческих способностей.

При коммунизме одновременно с человеческими потребностями получают всестороннее развитие и человеческие способности, будет успешно развиваться также общественно обусловленный процесс самосовершенствования многообразных человеческих характеров.

Причем никогда процесс совершенствования — он длится столько же времени, сколько существуют люди, — не достигнет состояния полного и окончательного совершенства. В научной картине мира нет места для секуляризированных представлений о рае. Научная картина будущего не создается путем секуляризации религиозных иллюзий.

Все виды социально-психической деятельности, об историчности и о проявлениях которой у человека шла речь, представляют собой результат активности определенной функционирующей в общественно обусловленном состоянии структуры материального мира: человеческого тела, прежде всего его нервной системы.

Рассмотрим кратко этот вопрос в свете современных исследований, с тем чтобы на фоне научно обоснованной материалистической теории еще очевиднее проявился спекулятивный характер всех попыток его решения с антинаучных идеалистических позиций.

Функции сознания в психике человека

Благодаря особой нервно-психической деятельности, сформировавшейся у людей в ходе их общественно-трудового развития, то есть благодаря присущему только человеку сознанию — которое Маркс называл осознанным бытием¹, — человек может практически и теоретически осваивать действительность и таким образом подчинять себе мир.

При помощи центральной нервной системы человек сознательно отражает объективную реальность как чувственно-рационально, так и эмоционально. Центральная нервная система есть решающий субстрат этих функций сознания.

Марксизм, отвечая на «великий основной вопрос всей... философии»² — вопрос об отношении бытия и мышления, материи и сознания, — отвергает все формы идеализма.

Обобщая результаты исследований во многих областях науки, марксистский материализм располагает знаниями, которые свидетельствуют о том, что сознание есть деятельность высокоразвитой живой материи, то есть продукт позднего развития вселенной; причем сознание, как специфически человеческая деятельность, спонтанно возникает в ходе естественнoисторического развития как общественная категория, как результат процесса труда и связанного с ним развития речи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25.

² Там же, т. 21, стр. 282.

В качестве идеального отражения сознание черпает свое содержание из материального мира, которым человек овладевает. При этом, как писал Маркс, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

В дальнейшем возникшая таким путем сознательная деятельность начинает активно воздействовать на материальную действительность в процессе общественных преобразований; «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»², — отмечал Ленин.

Человеческий мозг, функционируя в соответствии с законами высшей нервной деятельности, детерминирует психическую деятельность. Способ его действия является аналитико-синтетическим, то есть он вновь соединяет воедино части целого, на которые разлагается это целое благодаря активности «анализаторов».

Наряду с этим мозг благодаря особенностям своей структуры способен «к правильному ориентированию в окружающей среде, причем его рабочая «динамика» остается в связи с конструкцией»³. Эта связь динамики со структурой служит основой для материалистического объяснения всех нейрофизиологических и психических функций.

Согласно современным взглядам, эту динамическую функциональную связь, в основе которой лежит рациональная структура, нельзя представлять линейно: раздражения, поступающие из внешнего мира, прежде чем вызвать ответные реакции, проходят через комплексные системы нервных связей с собственными инстанциями регуляции. Эти системы становятся все более доступными для понимания благодаря использованию в нейрофизиологии достижений кибернетики и моделирования.

Современная вычислительная техника создает возможность с поразительной точностью и быстротой обрабатывать растущий объем данных экспериментальной биологии. Это позволяет предположить, что выводы, полученные на основе нейрофизиологических исследований, будут дополнены и модифицированы, исходя из новых, более широких и точных знаний. В правомерности

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 21.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

³ И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. III, кн. 2, М.-Л., 1951, стр. 169—170.

такого прогноза убеждает вся предыдущая история науки.

Нервная система при помощи двух своих отделов, периферического и центрального, контролирует деятельность организма. Периферические нервы подводят раздражения к центральной нервной системе или отводят их от нее: первые называются афферентными (подводящими), вторые — эфферентными (отводящими).

Афферентные нервы осуществляют связь центральной нервной системы с внешним миром и остальными отделами организма; эфферентные позволяют осуществлять комплексные реакции целостного организма: его движения и его секреторную деятельность.

Животные, равно как и человек, не ждут пассивно раздражений — они вступают во взаимодействие с внешней средой и получают их оттуда. Предположение Фрейда о том, что нервная система якобы служит исключительно восстановлению первоначального состояния — того состояния, которое было до «раздражения» (так сказать, «гомеостаз» раздражения), противоречит той «жажде раздражений», которая отличает как животных, так и человека. Если эта «жажда» не удовлетворяется, нарушается состояние психического равновесия.

Анатомически центральная нервная система, развивающаяся из так называемой медуллярной трубки, состоит из спинного и головного мозга, который первоначально делится на три мозговых пузырька: передний мозг, средний мозг и ромбовидный мозг.

Из них в дальнейшем образуется пять мозговых пузырьков, причем из переднего мозга отходят в стороны два пузырька, образующие конечный мозг, в то время как из отдела переднего мозга, который не подвергается никакому делению, образуется межучочный мозг; ромбовидный мозг, идущий вслед за средним мозгом, делится на задний мозг и продолговатый мозг, переходящий в спинной мозг. Из конечного мозга образуются оба больших полушария.

Межучочный мозг, средний мозг, задний мозг и продолговатый мозг в совокупности составляют так называемый ствол мозга, причем из межучочного мозга образуются таламус, эпителиум и гипоталамус, из среднего мозга — ножка мозга и четверохолмие, из заднего мозга — мост, из продолговатого мозга — продолговатый

мозг и из задней стенки всего ромбовидного мозга — мозжечок. На воронке гипоталамуса висит гипофиз; его внутрисекреторным антагонистом является шишковидная железа, эпифиз.

Эти наиболее дифференцированные отделы нервной системы находятся в переднем отделе тела позвоночных животных, который при их поступательном движении приходит в соприкосновение с окружающей средой в первую очередь, вместе с чувствительными поверхностями самых дифференцированных органов чувств: обоняния, зрения, слуха и вкуса.

Чувствительные поверхности, отходящие от них центростремительные нервы и подчиненные им отделы мозга, обрабатывающие поступающие сигналы раздражения, были названы И. П. Павловым анализаторами, поскольку они служат для анализа окружающей среды. Если раньше ученые считали, что центры мозга имеют узко очерченную функциональную локализацию, то в наши дни в некоторых случаях удалось установить наличие обширных центральных зон распространения. В последнее время такие зоны были открыты в связи с исследованиями процессов запоминания¹.

В результате исследований испанского ученого Рамона-и-Кахаля (1852—1934) было установлено, что нервная система состоит из самостоятельных, но в то же время связанных между собой нервных клеток, нейронов. Функциональное значение этих нервных клеток рассматривает так называемая теория нейронов Кахаля.

Ее правильность была недавно окончательно доказана благодаря применению современной электронной микроскопии, которая показала, что в месте перехода между двумя нейронами, так называемом синапсе, из-за расположенной там щели протоплазма не соединяет оба нейрона друг с другом; в соответствии с этим нервные клетки в местах их синаптических контактов отделены друг от друга.

Таким образом, в синапсе нейроны в одно и то же время диалектически и связаны друг с другом, и отъединены друг от друга. А значит, любая аналогия проведения нервного возбуждения с передачей по телеграфным

¹ K. H. Pribram, The Neurophysiology of Remembering, Scientific American, New York, 1969, p. 73.

проводам оказывается неудачной, какой бы полезной она ни была раньше, точно так же как аналогия мозга с телефонной станцией. Такая аналогия показывает лишь, что попытка объявлять «местонахождением души» мозг настолько же сомнительна, как нелепо утверждение о «местонахождении телефонного разговора» на телефонной станции.

Телефонный разговор — это процесс, который соединяет говорящего и слушающего через телефонную станцию; мозг в свою очередь является важным центром для возникновения контакта между организмом и окружающей средой и для реакции организма на среду, но он не является метафизическим «местонахождением» таких связей.

Кроме того, функция собранных в пучок нервных волокон (которые в конечном счете исходят из нервных клеток) намного сложнее, чем функция телефонного провода. Нервные волокна не только проводят электрические импульсы, но одновременно и порождают их, они являются, так сказать, самогенерирующими системами.

А. Л. Ходкин в 1937 году показал, что нервные импульсы есть не что иное, как ряды самораспространяющихся электрохимических реакций, которые оканчиваются на мембране, покрывающей нервные клетки.

Эта мембрана представляет собой пограничную структуру сложного строения между ионной средой, то есть средой электрически заряженных атомов, молекул и молекулярных соединений, которые, так же как и электроны, могут быть носителями электрического тока, как внутри клеточного пространства, так и вне его.

При этом в состоянии покоя содержание натрия вне клетки значительно выше, чем внутри клетки, где обнаруживается больше калия, чем натрия. При возбуждении или торможении это натриево-калиевое соотношение изменяется в результате изменения мембраны; возникает «поляризация», вследствие чего образуется электрический потенциал, так называемый «потенциал покоя» или, «ток покоя», который при проведении возбуждения (то есть при самораспространении) переходит в «потенциал действия», или «ток действия».

Благодаря его возникновению наступает возбуждение или торможение. При этом при возбуждении вследствие изменившейся проницаемости мембраны в клетку уст-

ремляется натрий, в то время как калий выходит из нее: имеет место «деполяризация».

При торможении процесс протекает несколько иначе («гиперполяризация»). Путем «реполяризации» система возвращается в состояние покоя и готова снова функционировать.

Информация о том, что происходит во внешней, окружающей человека среде и внутри человеческого организма, поступает в мозг через так называемый временной ряд электрохимических импульсов и только таким образом становится доступной для него.

Из информации такого рода состоит в конечном итоге материал для отражения, на котором основано познание действительности. В ходе этого процесса поступает новый отраженный информационный материал в форме временных рядов электрохимических импульсов.

Путем воздействия раздражения на органы чувств наш организм получает всю информацию, а благодаря ее обработке в центральной нервной системе исходные свойства данной действительности, сигналы которых воспринимаются органами чувств, реконструируются, обрабатываются, копируются в форме рабочей модели в мозге и в случае необходимости корректируются.

В процессе переработки воздействий сигналов различают три стадии: а) восприятие раздражения органами чувств; б) превращение физической величины раздражения в физиологические процессы возбуждения и их дальнейшее проведение через различные области мозга к коре больших полушарий; в) подача воздействий раздражения к следам, зафиксированным памятью в нервных клетках. Благодаря этому возможно узнавание...».

«Хотя информация воспринимается и обрабатывается различными рецепторами, однако все они способствуют возникновению единого отображения окружающей действительности с ее особыми, только ей присущими свойствами. Итак, полное понимание акта восприятия предполагает пространственный и временной настрой всех отдельных органов чувств, которые действуют как части единого целого»¹.

¹ F. Klix, Wahrnehmung, в: Lexikon der Wirtschaft — Arbeit, Berlin, 1969, S. 624, 626.

Органы чувств, как уже отмечалось выше, являются периферическими отделами систем, которые И. П. Павлов назвал анализаторами: это те аппараты организма, которые разлагают внешний мир на элементы и трансформируют раздражения в ощущения, благодаря чему мы их воспринимаем.

При этом вопрос о том, каким образом энергия внешнего раздражения преобразуется в факт сознания, несмотря на большие успехи физиологических и психологических исследований в этой области, был справедливо охарактеризован Лениным как еще нерешенный вопрос¹ вследствие заключенной в нем глубокой философской проблематики.

Этот вопрос и в наши дни еще не решен окончательно. В одной из своих работ я попытался дать схематическую модель возможного с точки зрения логики и фактов ответа², который идет вразрез с взглядами ученых, стоящих на позициях позитивизма — особенно Г. Райла, — снимающих этот вопрос с дискуссии как мнимую проблему³. Подобный подход свидетельствует скорее о бессилии решить этот вопрос, чем о понимании его истинного характера.

Однако мы не должны отказываться от попыток дать удовлетворительный ответ на вопрос о том, как психически осуществляется восприятие источника раздражения, ибо тем самым мы опровергнем основной тезис субъективного идеализма не только на практике, но и с позиций формальной логики.

Что касается физиологической стороны проблемы, то есть характеристики материального субстрата идеальной деятельности, то он известен нам, так же как и психологический результат деятельности анализаторов.

Так функция внимания связана главным образом с активирующей системой в центральной нервной системе, которая в случае необходимости передает сигнал тревоги в большие полушария мозга и активизирует их, вызывая состояние общей или нацеленной готовности. Это так называемая ретикулярная система, ретикулярная форма-

¹ См.: В. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 39, 46.

² См.: В. Холлчир, Человек в научной картине мира, М., 1971, стр. 139—150.

³ См.: G. Ryle, The Concept of Mind, London, 1949.

ция. Она занимает значительную часть центральной нервной системы и распространяется от спинного мозга через ствол мозга к межучточному мозгу. Ее фиброзные тяжи и клетки вступают в многочисленные соединения с другими волокнами, проходящими через эту область.

Эта формация в настоящее время стала доступна не только для анатомических, но и для электрофизиологических методов исследования. Было обнаружено, что ретикулярная формация — как и следовало ожидать — вступает во взаимодействие с корой больших полушарий. Вызванное с помощью этой системы возбуждение внимания (так же, как и торможение, а зачастую оба процесса в одно и то же время только по отношению к различным функциям организма), будучи одним из проявлений взаимоотношений человека и среды, безусловно, является жизненно необходимым.

Норберт Винер указывал на преимущества и недостатки двух передающих информацию внутренних систем организма: нервной и гуморальной.

Информация, идущая по нервным связям, достигает адресата прямым и быстрым путем. Гуморальная информация, то есть информация, передаваемая через химические вещества, «адресована» не в одно определенное место, а в любое место, готовое ее принять, среди этих мест, конечно, есть и такие, которых данная информация касается непосредственно; при этом передача информации происходит медленнее, но зато с меньшими помехами.

Винер сравнивает оба эти способа с оповещением рабочих аварийной штольни в шахте, которое происходит, с одной стороны, по телефону, а с другой стороны, путем подачи пахучих веществ, которые поступают в вентиляционную установку, распространяются по всем штольням, как аварийным, так и не аварийным, и служат сигналом тревоги для горняков¹.

В качестве политической аналогии можно привести пример существующего различия между целенаправленной пропагандой и распыленной пропагандой. Проводи-

¹ Н. Винер, Кибернетика или управление и связь в животном и машине, М., 1968, стр. 198.

лась также аналогия с уведомлением по телефону и уведомлением по радио.

Гормоны вырабатываются железами внутренней секреции, так называемыми эндокринными железами, однако некоторые из них вырабатываются непосредственно в самих клетках и тканях и поступают в кровь и лимфу. От того места, где вырабатываются гормоны, они направляются к органам и тканям и оказывают влияние на их структуру и функции, включая и определенные формы поведения всего организма.

Причем часто между выделением гормонов и поведением организма существует взаимосвязь: так, причиной страха могут быть гормоны и, наоборот, повышенное выделение гормонов может быть вызвано страхом.

Некоторые гормоны непосредственно влияют на определенные органы и функции, другие косвенно, регулируя активность отдельных эндокринных желез.

Большую роль в регуляции гормональных функций играет гипофиз. Его передняя доля (аденогипофиз), промежуточная и задняя доли (нейрогипофиз) находятся в тесной связи со всеми остальными железами.

Это саморегулирующаяся сложная система, причем количество выделяемых гормонов определяется наличием гормонов, уже имеющихся в организме в данный момент.

Гормоны, обладающие преимущественно сексуальным действием, вызывают также у определенного вида животных агрессивное или покорное поведение. Человекообразные обезьяны находятся под влиянием половых гормонов в меньшей степени, чем низшие обезьяны. У шимпанзе обычно самец в период течки доминирует над самкой. У обезьян наряду с гетеросексуальным поведением является обычным и гомосексуальное поведение.

У человека господствующую роль играет лобная доля мозга, поэтому влияние гормонов на его поведение отступает далеко на задний план, хотя, разумеется, его нельзя совсем сбрасывать со счетов.

Физиология все в большей степени раскрывает загадки гормональной сферы, что дает медицине возможность воздействовать на нее и управлять ею.

Таламус участвует в деятельности той системы мозга, которая управляет эмоциями дифференцированным

образом, причем у человека гарантируется доминирование высших отделов мозга.

Таламус участвует также в образовании так называемой схемы организма, на которой основана картина положения частей нашего тела и их движений.

Гипоталамус, являющийся частью межмозжечкового мозга, управляет обменом веществ, регулирует поступление в организм необходимого количества питательных веществ и жидкостей. Но очевидно, у человека здесь участвуют и такие фиксированные компоненты поведения, которые сформировались под влиянием общественных норм поведения, традиций и условностей или являются результатом привычек.

В гипоталамусе, так же как и во взаимосвязанных с ним отделах больших полушарий мозга и в более глубоких отделах мозга, находятся так называемые центры наслаждения. Если раздражать эти центры, вводя в них электроды, возникает сильное чувство наслаждения.

В экспериментах, проведенных Олдсом в 1953—1958 годах, крысам, сидящим в клетке, показывали, что нажатие на рычаг, вызывая раздражение соответствующих центров, может доставлять наслаждение. Крысы доходили до полного изнеможения, так как без конца нажимали лапами на рычаги, забыв даже о пище. Аналогичным образом вели себя и обезьяны.

Олдс полагал, что соответственно центрам наслаждения можно также установить и другие эмоциогенные зоны — центры отвращения (в среднем мозге и в одном из отделов гипоталамуса).

Путем раздражения особых участков гипоталамуса можно также вызвать защитные реакции, которые при нормальных условиях интегрируются в целостное поведение организма. У человека, однако, и здесь также может быть достигнута доминанта высших отделов нервной системы.

Эта интеграция высших инстанций нервной системы может подвергаться распаду при травмах и нарушениях. Так, например, у одного из пациентов, у которого между лобной долей мозга и гипоталамусом находился сгусток крови, наблюдалось не поддающееся контролю повышенное половое влечение, исчезнувшее после того, как сгусток был удален оперативным путем. Причем с этого момента пациент стал считать свое предыдущее поведение совер-

шенно ошибочным¹. Выяснено также значение других участков мозга для сексуального поведения².

Возбуждения, достигающие гипоталамуса, часто успевают до этого уже пройти большие полушария мозга и благодаря этому также обогатиться на основе предшествующего опыта. Однако в определенных ситуациях, когда необходима очень быстрая реакция, гипоталамус сам непосредственно, помимо кортикальных обходных путей, отвечает на сигналы, например на сигналы боли.

Целенаправленное, целеустремленное действие является у человека продуктом контроля коры больших полушарий мозга. Целям этого контроля служат около миллиарда нейронов больших полушарий, причем каждый нейрон может быть связан со многими тысячами других: приблизительно одна треть объема коры представлена нейронами, особенно их дендритами, остальной объем коры дополняют кровеносные сосуды и соединительная ткань³.

Будучи саморегулирующейся системой, наш мозг состоит из трех так называемых блоков. Первый блок составляют верхние отделы ствола мозга, ретикулярная формация и кора, лежащая на срединной и основной поверхности мозга, он обеспечивает необходимый для функционирования высших отделов тонус. Второй блок — задние отделы обоих полушарий, теменной, височный и затылочный отделы коры — обеспечивает обработку и сохранение информации, поступающей из осязательных, слуховых и зрительных органов чувств; третий блок — передние отделы полушарий, прежде всего лобная доля мозга, — программирует движения и действия, сравнивает проект действия с эффектом действия. Все три блока определяют специфику психики человека в ее взаимодействии⁴.

¹ P. Nathan, The Nervous System, Harmondsworth, 1969, p. 198.

² B. Schlesinger, Higher Cerebral Funktionen and their Clinical Disorders, New York, 1962, p. 41.

³ A. Pope, The Relationships of Neurochemistry to the Microscopic Anatomy of the Nervous System, «12th International Neurochemical Symposium», New York, 1954, p. 341—349.

⁴ A. R. Luria, Zentralnervensystem und menschliches Verhalten, «Ideen des exakten Wissens», Stuttgart, 9/1969, S. 538; см. также: «The Functional Organization of the Brain», «Scientific American», 3/1970, p. 66—78.

От рецептора органов чувств возбуждение, обусловленное раздражением, прежде всего достигает первичного центра органа чувств, затем вторичного центра, который всегда находится в коре больших полушарий, в тех участках коры, которые предназначены для дифференцированных ощущений: обонятельных, вкусовых, слуховых, зрительных и др.

Если эти вторичные зоны раздражать электричеством извне, то появляются галлюцинации, соответствующие специфическим ощущениям органов чувств. У человека вторичные, а также ассоциативные зоны развиты лучше, чем у всех других организмов.

Электрическое раздражение отдельных участков коры больших полушарий вызывает действия, которые зачастую бывают адекватны нормальным переживаниям и движениям.

Если, например, раздражать определенный участок моторной области коры, то последуют соответствующие движения тела; однако при этом все же отсутствует чувство, что эти движения были желаемыми.

Если раздражение первичных сенсорных центров в сенсорной области коры, которое сопровождается сравнительно грубыми чувственными ощущениями, достигнет соответствующих вторичных центров, то грубые ощущения сменяются дифференцированными.

Раздражение определенных участков височных долей вызывает такие эмоции, как страх, отвращение, подавленность, причем эти чувства носят неопределенный характер: появляется не страх перед чем-то, не отвращение при виде чего-то, не подавленность вследствие чего-то, но лишь эти чувства вне всякой связи.

При раздражении электродами определенного участка височной доли Пенфилд наблюдал интегрированные, то есть полученные из разных центров органов чувств, комплексные картины воспоминаний с таким обилием деталей, что он пришел к убеждению, что ни один след переживаний не затухает полностью. Однако не все следы доступны для воспроизведения в одинаковой степени.

Пережитое хотя и забывается, но не утрачивается до тех пор, пока не повреждена кора, причем одинаковые по содержанию воспоминания депонируются в различных участках коры и могут быть вызваны оттуда.

Оттенки переживаний также могут изменяться, что обусловлено физиологически: порой уже знакомые раньше по прежнему опыту переживания повторяются вновь с необычным оттенком чуждости, порой же новые переживания воспринимаются так, как будто увиденное впервые уже приходилось видеть раньше (*déjà vu*), никогда еще не слышанное — уже слышать раньше (*déjà entendu*), то, что еще никогда не было рассказано, представляется как уже давно сообщенное (*déjà raconté*). Таким образом, то, что происходит в настоящий момент, искажается и воспринимается неправильно. Подобные явления можно наблюдать как при эпилептических припадках, так и при простом переутомлении.

Значение, которое мы придаем определенной, известной нам ситуации, зависит от многих обстоятельств: врожденных реакций и приобретенных путем научения. При помощи сравнительного изучения поведения было исследовано врожденное реагирование различных организмов на ту или иную схему раздражения.

Исследование показало, что голодные птенцы смеющихся чаек, например, стучат клювом, как только увидят красное пятно клюва птицы-матери, несущей корм, причем остальные части тела матери ничего им «не говорят». Хотя, конечно, и это поведение отчасти является результатом научения¹.

Следует также еще точнее объяснять врожденные реакции маленьких детей, исключая спекуляции и ошибки интроспективного толкования взрослых. С уверенностью можно сказать, что соответствующая гормональная картина крови также в известной степени определяет готовность к реакции, создавая напряжение, соответствующее потребностям, ибо подобные реакции детерминированы многими факторами.

У взрослых живых существ врожденная и приобретенная путем научения линии поведения переплетаются таким образом, что требуется чрезвычайно острая внимательность экспериментатора, чтобы дифференцировать их.

Французские и английские философы-просветители в свое время проявили немало фантазии, пытаясь найти у

¹ J. P. Hailman, How an Instinct is learned, «Scientific American», 12/1969, p. 98—106.

человека врожденные идеи и реконструировать их. Правда, некоторые из них отрицали эти идеи, считая душу новорожденного чистым листом — *tabula rasa*.

У нормального ребенка в определенном возрасте появляется способность видеть как врожденная способность. Однако способности не только видеть, но и подмечать, оценивать увиденное следует обучаться.

Некоторые индейские племена поступают, конечно, разумнее, чем мы, когда не заставляют своих младенцев скучать, лежа на спине и рассматривая малопримечательное покрывало, а, привязав к твердой подстилке, подвешивают их к стенке палатки, где есть на что смотреть.

Если рецепторы, периферические отделы анализаторов, восприняли раздражения, произвели определенную автоматическую выборку из них и передали их через спинной мозг и низшие отделы головного мозга в большой мозг, то мы обнаруживаем их вследствие возбуждения первичных центров органов чувств и осознаем их вследствие возбуждения вторичных центров.

Точно так же как и многие другие живые существа, мы, люди, обладаем способностью передавать свои знаки возбуждения другим индивидам; однако способность к передаче семантически нагруженных и несущих информацию знаков спонтанно выработалась только у людей.

Только мы одни, осмысленно отражая действительность, создаем в мозгу ее рабочую модель, которая основывается на регулярном употреблении знаков — от элементарного присвоения названия различным явлениям и предметам до комплексного конструирования сложного целого из его отдельных частей.

Предпосылки такой деятельности, связанные с физиологией мозга, очень разнообразны. Так, восприятие пространственных условий по отношению к собственному телу связано с целостностью одной из областей правого полушария, расположенной между височной, теменной и затылочной долями.

При нарушениях этого отдела мозга пациенты не могут, например, понять положения стрелок часов, читать географическую карту, а также пластически моделировать тело.

Употребление математических символов опять-таки предполагает целостность вторичного слухового центра, без которого невозможна внутренняя речь.

Возможно, что совокупное употребление знаков и их понимание также зависит от ассоциативных связей между всеми вторичными центрами органов чувств.

Изучение локализации и особенностей нарушений, обусловленных травмами, предшествовало открытию функциональных центров мозга. Так, повреждение речевого центра в левом полушарии из-за инсульта ведет к нарушению внутренней речи.

Для артикуляции слов в свою очередь необходима целостность моторной области коры лобной доли над височной долей и непосредственно на границе с ней.

Во всяком случае, если у детей, которые не достигли четырехлетнего возраста, разрушается мозг в области речевого центра, то вместо него может возникнуть новый речевой центр в правом полушарии (а не в левом, как обычно). Такие дети потом говорят нормально, хотя у них отсутствует нормально расположенный речевой центр.

Это указывает на известную поливалентность, на способность мозговой ткани к многосторонней деятельности, что одновременно объясняет редундантность отдельных частей мозга, то есть возможность их выпадения без утраты соответствующей функции.

Несомненно, в нашем мозге имеются значительные резервы. У крыс в результате попеременной тренировки каждого из полушарий при одновременном выключении другого полушария посредством периодически снимаемой так называемой электрической депрессии была сформирована параллельная деятельность обоих полушарий, ранее этого не удавалось достичь¹.

Итак, наша способность к обучению не так уж часто наталкивается на структурные или функциональные барьеры, не говоря уже о том, что в распоряжении человеческого мозга находятся ЭВМ, все в большей степени разгружающие и дополняющие его.

Бионика, наука о техническом воплощении биологических функций, копирует при этом у конкретных функций мозга потенциальные проекты приборов, тогда как кибернетика, напротив, создавая целесообразные компьютеры, порой наталкивает физиологов на след функционирующих

¹ См.: Ö. Burešova, J. Bureš, Lässt sich die Hirnleistung verbessern?, Endeavour, London, Bd. XXVIII, Sept. 1969, S. 139—145.

в живом организме нервных «переплетений» и синаптических включений.

Чрезвычайно важным в этой связи является то, что, раздражая электродами определенные участки коры, можно возбудить (или затормозить) чувственные восприятия, но ни один из известных видов раздражения не может вызвать мыслительные процессы. Очевидно, в тех видах деятельности, которые, хотя бы в самом скромном значении этого слова, можно назвать продуктивными или творческими, принимают участие самые различные участки коры, взаимодействуя друг с другом.

Результат всех возникших путем научения видов деятельности сообщается при этом другому полушарию и, как показали оперативные удаления больших участков мозга, откладывается также и там. В какой форме это происходит — преимущественно в биохимической или преимущественно в биоэлектрической, — в настоящее время является предметом дискуссии.

Альтернативные теории памяти дают различное объяснение тому, как накапливаются новые знания (опыт) и как они воспроизводятся памятью.

Возможно, что имеются многообразные виды памяти: кратковременная память; долгосрочная память; такой тип долгосрочной памяти, который выражается в репродукции образованных путем научения двигательных реакций на раздражения; наконец, эмоциональная память. В настоящее время стало совершенно очевидно, что в процесс накопления памяти вовлекаются большие участки мозга.

Деятельность мозга, связанная с воспроизведением запомненного — регистрация опыта, накопление опыта и его воспроизведение, — возможна филогенетически также и без участия высших отделов нервной системы. При помощи очень чувствительных экспериментальных установок у человека также удастся обнаружить способность к прочному усвоению опыта на сравнительно низком уровне центральной нервной системы (на уровне таламуса).

На более высоком уровне, когда воспоминания полностью осознаны, воспроизведение прежнего опыта происходит обычно в сокращенной и уплотненной форме. Хотя основное содержание приобретенных новых знаний может, как это показали опыты с электрическим раздражением,

откладываться полностью, новые воспоминания обычно подвергаются обработке в приложении к собственному «Я», приобретают субъективную окраску. В такой именно форме мы и вспоминаем свой прежний опыт.

Как и все другие виды психической деятельности, вышеупомянутые зависят от особенностей личности. Свойства же человеческой личности опять-таки в большой степени зависят от лобной доли мозга.

Отметим также, что Фрейд, при жизни которого значительная часть исследований по физиологии мозга приходилась на долю нарушений функционирования психики человека, вообще не принял во внимание результатов этих работ.

Так, например, стало известно, что, хотя интеллект и память хорошо сохраняются даже при значительном разрушении лобных отделов мозга, однако в этом случае появляются определенные изменения характера и личности.

Если вследствие полного или частичного отсеечения лобные доли отключаются от остального мозга, как это бывает при операции, носящей название лейкотомии — впервые эту операцию произвел португальский хирург Эгас Мониц в 1936 году, — то у пациентов, которым делали такую операцию, снижалась возбудимость, даже наступала апатия: оперированные нередко заявляли, что они ничего не чувствуют.

Наблюдавшиеся постоперативные патологические изменения личности заставляли изменять технику этой операции самым различным образом и привели в конце концов к принципиальному отказу от нее по этическим соображениям.

Оценка явлений выпадения, наступающих при рапениях и нарушениях в области лобных отделов мозга, во всяком случае, делает оправданным утверждение, что лобные доли коры головного мозга являются специфически необходимыми для интеллектуальной, мыслительной деятельности (в том числе и для образных представлений), для обдумывания, планирования и разумного учета приобретенного опыта.

Лобная доля человека охватывает приблизительно 25 процентов всей площади коры, в то время как у высших обезьян она составляет менее 15 процентов, а у низших — 10 процентов.

В то же время деятельность лобного мозга, который у человека — по сравнению с обезьянами — в высокой степени специализирован в отношении выполняемых функций, доминирует над большинством других видов деятельности мозга, с которыми она взаимодействует: спонтанно сформировавшиеся у человека мыслительные функции накладывают на все другие функции, работающие на них и находящиеся под их воздействием, отпечаток коллективности, индивидуализированной в субъекте.

Возможно ли в настоящее время, хотя бы частично, выявить и объяснить с единой материалистической точки зрения закономерности существенных для человеческого бытия видов деятельности мозга в тех аспектах, которые установила социальная психология?

Путь к решению этого вопроса указал И. П. Павлов, дело которого продолжили его ученики во всех странах мира.

Рассмотрим кратко основные положения теории Павлова в свете современных воззрений, опирающихся на дополнительные новые данные: попытаемся охарактеризовать те три системы высших отделов нервной деятельности, которые являются функциональной основой человеческой психики.

В основе взглядов Павлова лежит понятие о рефлексе, под которым следует понимать ответную реакцию центральной нервной системы и всего организма на определенные внешние и внутренние раздражения.

Возбуждение, идущее от места раздражения, по афферентным путям передается в тот участок центральной нервной системы, где происходит включение и замыкание, а по эфферентным путям — к результирующим органам, а результат реакции (через так называемую реафферентацию) сообщается обратно в центральную нервную систему, благодаря чему рефлекторная дуга замыкается.

Этот последний этап обратной передачи, этап *feedback*, нельзя не учитывать. Он был установлен Павловым и сегодня, во времена кибернетики, является общепризнанным.

Идеалистическая психология поведения, выступая против трактовки нервной системы как рефлекторного аппарата, выдвигает тезис о существовании так называемых спонтанных, якобы независимых от окружающей среды способов поведения.

Можно, однако, считать, что такие спонтанные виды деятельности — так называемые реакции холостого хода, когда, например, птица кормит воображаемых птенцов и после потери яиц, — активизируются благодаря сигналам, идущим из окружающей среды и вызывающим раздражения. Вследствие этого предполагаемые главные центры автоматизма приобретают способность к запуску ряда инстинктивных действий, происходящих в хорошо отрегулированной последовательности. На этом мы еще остановимся ниже.

Специфические для данного вида живых существ простые или сложные реакции, которые возникают в ответ на раздражение и проявляются в определенном возрасте как врожденные, то есть без каких-то дополнительных условий, павловское учение называет «безусловными рефлексами».

«Условный рефлекс», напротив, вызывается обуславливающими (условными) раздражениями, предшествующими безусловному раздражению: например, собака незадолго до того, как ей будет предложен корм, безусловно вызывающий слюноотделение, получает раздражение, действующее на зрение, слух, обоняние или кожу.

После многократного повторения этого процесса, так называемого обуславливания, реакция слюноотечения происходит уже в ответ на это условное раздражение.

Итак, условное раздражение приобрело значение сигнала, оно стало целесообразным признаком грядущих событий и тем самым стало важным для адаптации (причем такая целесообразность не выходит за рамки законов природы).

Условные рефлексy могут быть выработаны не только на единичные раздражения, но и на целый комплекс раздражений — как пространственных, так и временных. В ответ на стереотипную серию раздражений возникают стереотипные образцы поведения. Если раздражениям, ставшим условными сигналами, многократно предшествуют ранее индифферентные раздражения, последние могут послужить основой для становления вторичных условных рефлексов — у человека даже для становления условных рефлексов еще более высокого порядка, третичных и т. д.

Павлов полагал, что при выработке условного рефлекса наличие двух очагов возбуждения в коре головного

мозга в одно и то же время — очага безусловного и очага условного раздражения — ведет к замыканию, к установлению новой нервно-функциональной временной связи.

В настоящее время известно, что в таких замыканиях, которые по мере надобности возникают в высшем отделе нервной системы животного, участвуют также и подчиненные отделы, причем у высших позвоночных животных ведущая роль в подобных случаях, безусловно, сохраняется за корой головного мозга.

Порядок протекания нейрофизиологических процессов во времени и пространстве имеет предпосылкой противоположность процессов возбуждения и торможения, причем следует отметить, что оба процесса являются активными видами деятельности нервной системы.

Соответственно условным рефлексам действия имеются также условные рефлексы торможения. При отсутствии подкрепления (в случае если, например, вслед за показом пищи многократно не происходит кормления) возникает торможение реакции, причем след угасшей реакции может быть обнаружен и в дальнейшем легко реактивирован (расторможен), то есть временно угасает реакция, но не след.

На основе вышеописанных процессов первоначально не различаемые организмом раздражения могут, исходя из установленного опытным путем различия их последствий, все точнее дифференцироваться друг от друга — настолько, насколько чувствительность соответствующего анализатора позволяет воспринять такое различие. Любая способность к чувственному различению, приобретенная путем научения, основана на таких дифференциациях.

Современная электрофизиология позволяет объективно судить о процессах замыкания, которые происходят в центральном отделе рефлекторного аппарата. Многочисленные исследователи, и прежде всего представители павловской школы, с успехом занимаются разработкой этих проблем.

И. П. Павлов в своем учении о совокупности семиотических понятийных сигнальных связей, а также о второй сигнальной системе показал специфику и превосходство рефлексов человека. Эта система является высшей среди трех ступеней, выделенных Павловым в системе нервной деятельности.

В качестве первой сигнальной системы он обозначил способ функционирования низших отделов центральной нервной системы: спинного мозга и субкортикальных отделов головного мозга; центральные нервные связи, постоянно свойственные ей как врожденные, образуют субстрат безусловных рефлексов высших позвоночных животных.

В первую сигнальную систему входят также приобретенные условные рефлексы, субстратом которых у высших живых существ прежде всего является кора больших полушарий. Первая сигнальная система охватывает реакции на раздражения, которые стали сигналами важных событий и которые выработали живые существа, встречаясь с новыми ситуациями.

Другая система нервной деятельности спонтанно развилась только у человека: это вторая сигнальная система, в которой слово стало сигналом сигналов — сфера речи, определяющая процесс общественной коммуникации людей.

Только люди способны реагировать на понятийное содержание вербальных знаков, только они самостоятельно обучаются правильному употреблению слов, так как именно они умеют абстрагировать значение сигнала от свойств конкретного явления и выделять, распознавать и обозначать то общее, что присуще всем вещам или процессам одного типа. Возникновение второй сигнальной системы, таким образом, тесно связано со способностью к абстрагированию, которая сформировалась в связи с развитием процесса труда, то есть возникновение второй сигнальной системы социально обусловлено.

Благодаря универсальному характеру процесса общественного развития возникают все новые вербальные условнорефлекторные связи: новые предметы получают названия, их пространственные, временные и причинные отношения также получают соответствующие обозначения, их структура и функция расцениваются сначала аналитически, а потом и синтетически.

Деятельность второй сигнальной системы все в большей степени доминирует над другими подчиненными видами деятельности, которые предшествовали ей в ходе эволюции.

Итак, павловская теория о второй сигнальной системе, которая как исторически, так и логически венчает его

учение, объясняет специфику психологии поведения человека, включая способ научения человека через опыт, модификацию поведения, обусловленную опытом, к чему, собственно, и сводится выработка условных рефлексов.

Современная нейрофизиология пытается выяснить, как возникают отдельные связи, устанавливаемые в процессе условнорефлекторного научения — будь то в сфере деятельности первой или второй сигнальной системы.

Возможно, нервные импульсы в рефлекторном процессе замыкания вызывают в ядре нейрона стойкие химические изменения, причем самоизменяющиеся молекулы рибонуклеиновой кислоты (РНК) в хромосомах приводят к соответствующим изменениям в белковых молекулах всего нейрона, а тем самым также и к изменениям его функции.

В настоящее время на самых примитивных условных рефлексах изучают роль РНК в выработке того уровня возбуждения нейронов, который необходим для нормального функционирования клеток, участвующих в образовании и сохранении условных рефлексов. В качестве примера могут служить исследования условных рефлексов, которые вырабатывали у снабженных нервной системой плоских червей (планарий) и вновь угашали при помощи фермента рибонуклеазы, разрушающего РНК¹. Предлагались и предлагаются также альтернативные химические теории.

Достаточно заглянуть в любой современный учебник психологии, чтобы стало очевидным, что существует целый ряд альтернативных теорий обучения. Наряду с изложением учения И. П. Павлова рассматриваются также, например, теория подкрепления К. Л. Халла, теория ориентации Е. К. Толмена или теория поля К. Левина и, наконец, даже математически-кибернетические попытки моделирования условий обучения, воспроизводимых в эксперименте и наблюдаемых со всеми их последствиями.

В этой связи учение Павлова предстает как постоянно развивающаяся программная теория, которая не только исчерпывающе экспериментально обоснована и рационально продумана, но может также служить научной моделью того, что предстоит совершить в этой области в будущем.

¹ См.: N. Tuschmalowa, Die RNS und die bedingtreflektorische Tätigkeit, «Ideen des exakten Wissens», 9/1969, S. 566.

Учение Павлова очерчивает задачи теории формирования и развития способностей, навыков, опыта человека, основанной как на нейрофизиологии, так и на социологии. Оно намечает план действий одновременно строго эмпирически и глубоко теоретически. Именно на фоне этой теории становятся более очевидными ограниченность и недостаточность воззрения З. Фрейда и К. Лоренца в трактовке ими проблемы принципов мотивации социального поведения человека.

Трактовка человека у Зигмунда Фрейда

В конце 20-х и начале 30-х годов дискутировался вопрос о необходимости дополнить марксизм психоанализом (об этом, в частности, писал Эрих Фромм¹). В настоящее время предпринимаются попытки с помощью марксизма обновить сам психоанализ, используя теорию общественной среды².

Следует отметить, что взаимные прививки подобного рода — при которых то первый, то второй компонент выступает в роли привоя, — как бы ни было велико стремление буржуазных философов сблизить психоанализ с марксизмом, неизменно терпели и терпят крах, наталкиваясь на принципиальную несовместимость этих в корне противоположных учений.

Если, согласно марксистскому учению, человек, создавая материальную и духовную основу своего бытия, в конечном счете является творцом самого себя, то любая трактовка человека, биологизирующая человеческую психологию и психологизирующая историю общества, как это сознательно делал З. Фрейд, в принципе несовместима с марксизмом.

Составляющие основу фрейдистского учения психологизм и биологизм — это попытка свести общественный процесс к поведению отдельного индивида, а поведение инди-

¹ См.: E. Fromm, *Über Methode und Aufgabe einer analytischen Sozialpsychologie*, «Zeitschrift für Sozialforschung», Bd. 1, 1932.

² См.: H. Marcuse, *Triebstruktur und Gesellschaft, Psychoanalyse und Politik*, Frankfurt/Main, 1965, 1968.

вида — к неизменным инстинктам, якобы заложенным в его природе.

Несомненно, труды Фрейда в известной части могут быть рассмотрены в свете новых данных современных естественных наук и использованы при исследовании отдельных конкретных вопросов.

Жизнь и деятельность З. Фрейда подробно описана его учеником Эрнестом Джонесом, многолетним президентом Международного психоаналитического общества¹.

В плане генеалогии идей следует отметить значительное влияние на концепцию психоанализа Фрейда психологии И. Ф. Гербарта (1776—1841).

У Гербарта психическая жизнь рассматривается уже в динамической взаимосвязи. При этом, правда, представления функционируют как силовые центры, вытесняя друг друга из сознания и таким образом становясь осознанными или неосознанными. Герbart обосновывал, исходя из этого, механистическую динамику представлений, которую он даже пытался выразить на языке математических формул. Здесь мы имеем дело с явным механистическим детерминизмом идей.

Представления Гербарта о бессознательных психических процессах были далеки от представлений романтической школы Новалиса и других, с их идеализацией иррациональных глубин души, а также от философии Артура Шопенгауэра, которая — несмотря на все кажущееся созвучие с фрейдизмом — не оказала непосредственного влияния на развитие идей Фрейда.

Фрейд заявлял по этому поводу: «Значительные совпадения психоанализа с философией Шопенгауэра — он не только выступал за примат аффективности и первостепенное значение сексуальности, но знал даже и механизм вытеснения — совсем не вытекают из моего знакомства с его учением. Я прочитал Шопенгауэра в очень поздние годы жизни»².

Фрейд вопреки сложившемуся о нем мнению опирается на механистические предубеждения. Однако, поскольку механистические программы всегда оказываются в противоречии с реальностью, наиболее приемлемым выходом

¹ См.: E. Jones, *The Life and Work of Sigmund Freud*, V. 1—3 (1953—1957), New York, 1963.

² S. Freud, *Gesammelte Werke*, Bd. 14, London, 1948, S. 86.

становится мистификация (и мифологизация) «сил души», к чему в конечном счете и пришел Фрейд.

Сравнения из области гидродинамики и учения об электричестве, такие, например, как «движение», «текучесть», «энергия влечения» и другие, использовавшиеся Фрейдом в его ранних работах, отчетливо указывают на источник, откуда они были заимствованы: механистические представления о природе буржуазной натурфилософии, современником которой был Фрейд. Об антидиалектической позиции основателя психоанализа свидетельствует и его склонность к абсолютизации отдельных черт человеческой личности и рассмотрению их в отрыве от остальных ее сторон, составляющих целостность.

На образно-наглядную систему взглядов Фрейда в области теоретической медицины, возможно, оказали определенное влияние также работы о гуморально-гормональных процессах¹ его современника — Э. Штейнаха (1861—1944).

Фрейд неоднократно использовал пример сообщающихся сосудов, по которым распределяется энергия влечения. Однако, например, столь важное для учения Фрейда о сублимации положение психоанализа, согласно которому общественная энергия индивида образуется за счет основного фонда либидо, представляет собой его трансформацию, не могло быть подтверждено реальным фактическим материалом и осталось бездоказательным.

Не случайно вместо гипнотического опроса пациентов с последующими постгипнотическими заданиями и запретами, ненадежность терапевтического эффекта которых Фрейд признавал, он стал применять метод «свободных ассоциаций». Последний состоит в том, что проявляющий волю к исцелению пациент высказывает психоаналитику вслух все, что приходит ему в голову.

В основе такого метода лежит гипотеза, что ассоциации, о которых рассказывает пациент в такой ситуации, отражают его мысли, чувства, влечения, а также и противоборствующие им, подавляющие их силы, обнажая их перед опытным психоаналитиком, благодаря чему становится возможным их толкование и, наконец, рациональное овладение ими самим пациентом. Таким образом, мож-

¹ См.: В. Холличер, Человек в научной картине мира, М., 1971, стр. 278.

но, например, высвободить ранее «ущемленные аффекты» и дать им выход в виде определенных реакций. Многим из этих ведущих идей Фрейд оставался верен в течение всей своей жизни, тщательно разрабатывая и углубляя их.

Начиная с «Исследований по истерии» вплоть до «Толкования сновидений», вышедшего в 1900 году, Фрейд развивал свои представления о бессознательных психических процессах; о сопротивлении, которое способствует вытеснению в сферу бессознательного, и о некоторых других принципах своего психоаналитического учения.

Одновременно он развивал теорию инфантильной сексуальности и выдвинул теорию эдипова комплекса, который он рассматривал как некую внутренне присущую каждому человеку конфликтную ситуацию. Позже Фрейд утверждал, что эта ситуация возникла еще во времена первобытного существования человека и затем была непосредственно зафиксирована.

Что касается сексуальной теории Фрейда, то в то время он — в духе спекулятивного учения о дуальности и полярности, которое он после первой мировой войны сформулировал по-новому, — рассматривал стремление к сохранению вида (либидо) и стремление к самосохранению как две антагонистические составляющие человеческой души.

В условиях цивилизации либидо подавляется, от него стремятся отвлечься, благодаря чему его сфера — в форме либидинизированного труда, дружбы, художественного творчества — становится чрезвычайно широкой.

Согласно Фрейду, либидо ребенка сначала носит аутоэротический характер и не распространяется на другие объекты. Потом, когда возникает потребность обладать другими объектами любви, мать, удовлетворяющая потребности ребенка, становится первым либидинозным объектом как для маленького мальчика, так и для маленькой девочки.

Если у ребенка мужского пола началась фаллическая фаза, то его стремление к обладанию бывает направлено на мать, а ревность — против отца. В то же время девочка, сознавая свою мнимую анатомическую неполноценность (А. Адлер), за которую она винит мать, — сторонники психоанализа, возводя в абсолют патриархальные предубеждения общества, считают такой взгляд на женщину общечеловеческим — присоединяется к отцу.

Возникающий у мальчика эдипов комплекс, получивший свое название по имени мифического царя, который убил своего отца и женился на матери, постепенно проходит (на четвертом — пятом году жизни), вытесняется, потому что маленький мальчик боится, что отец накажет его кастрацией за его запретные желания: начинается комплекс кастрации.

В то же время маленькая девочка, сознавая свой недостаток, смиряется со своим несчастьем и переносит свою любовь на отца, которого считает полноценным человеком в отличие от себя.

Фрейд пытался подтвердить наличие эдипова комплекса и комплекса кастрации ссылками на исторические реминисценции: праотец первобытной орды якобы в действительности кастрировал своих взбунтовавшихся сыновей, которые стали оспаривать у него женщин, и воспоминание об этом филогенетически закрепилось в памяти человека.

Эти «сказки» из жизни венского (первобытного) леса с их подоплекой в духе Ламарка, эти раз навсегда принятые теории о наследовании приобретенных (да к тому же еще психических) признаков Фрейд дополнил впоследствии своим толкованием религиозных обрядов обрезания, которые якобы тоже являются отголосками кастрации. Дает ли этнологическая статистика право делать такие обобщения?

Так, например, перуанские горшки 800—200 гг. до н. э., изображающие человеческие тела, вырезанные наподобие картофеля, скорее наводят на мысль, что религиозный обряд обрезания связан с известными магическими представлениями, которые касаются основных продуктов питания жителей Анд¹.

Для объяснения обрядов обрезания на Востоке имеются соответствующие социологические теории. Вообще добрую половину толкований «тотема и табу» у Фрейда следует истолковывать в обратном порядке: они касаются персонификации и вторичной сексуализации представлений о пище и хозяйстве в первобытном обществе!

Модификации сексуальной жизни и представлений первобытного общества, о которых идет речь, в конечном сче-

¹ См.: R. N. Salaman, Master Lectures, «Journal of the Royal Horticultural Society», V. 62, 1937.

те находят свои поистине глубокие причины в основных жизненно важных занятиях людей — охоте, скотоводстве, обработке и возделывании земли — или могут быть объяснены требованиями жизни, обусловленными примитивными формами обмена.

Тотемные животные отнюдь не являются символами отца, как полагал Фрейд, а представляют собой религиозно-мистифицированные основные продукты питания или средства обмена наших древнейших предков.

То, что было жизненно важным для человека первобытного общества или казалось ему таковым, он считал также осью вращения своего маленького мирка, известного ему в действительности или в фантазии. Если он использовал для питания тот или иной вид животных, тот или иной вид растений, который таким образом становился «кормильцем» (или «кормилицей»), то такое представление о кормильцах сливалось с представлением о собственных родителях. Человек воображал, что он происходит от того или иного животного сверхъестественным путем, причем это животное впоследствии наделялось человеческими чертами. Связь людей с животными и растениями, жившими на территории рода, в дальнейшем воспринималась соответственно как узы кровного родства.

Отсюда, а не от первобытных переживаний, которые были лишь плодом фантазии Фрейда, берут свое начало тотемные представления родового общества¹, и здесь мы находим подтверждение данного Марксом определения религии как «превратного мировоззрения»², являющегося в одно и то же время и восприятием реального материального мира, в котором живут люди, и мистифицированным, искаженным, именно превратным мировоззрением вследствие невежества, обусловленного бессилием, равно как и бессилия, обусловленного невежеством!

Мировоззрение, в том числе и религиозное, может быть понято, если исходить из бытия, бытие же нельзя выводить из сознания или из неосознанного. Нельзя ставить мир с ног на голову.

Хотя, как мы уже говорили, и Гербарт и многие другие ученые утверждали, что существует неосознанная

¹ См., например: Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир, т. 1—2, М., 1958.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414.

психическая деятельность, однако только в психоанализе Зигмунда Фрейда ей было отведено центральное место и дано соответствующее толкование.

В психоаналитическом понимании динамически неосознанное есть то содержание психики, которое не допускается в сознание из-за своей несовместимости с господствующими чертами личности. Следует отметить, что в наше время вновь получили распространение механистические модели этой теории.

Известно, что явления гипноза произвели на Фрейда сильное впечатление уже в молодые годы. Испытуемые или пациенты, просыпаясь после гипноза, часто не помнят, что происходило с ними в состоянии гипноза; это дает основание говорить об их постгипнотической амнезии. Однако, будучи вновь погружены в гипнотическое состояние, они могут снова вспомнить о происходившем.

Фрейд полагал, что воспоминания имели место в бессознательном психическом состоянии. Он пошел дальше, выдвинув гипотезу, что наиболее сложные виды психической деятельности — изъявление воли, намерения, раздумья, так же как аффекты и влечения, — будучи неосознанными движущими причинами (мотивами) психики, существуют и функционируют скрыто, что становление сознания и само сознание есть только особая, не всегда допускаемая форма проявления психических процессов.

Следовательно, по Фрейду, «осознанное» и «психическое» отнюдь не являются синонимами, равнозначными понятиями. Необходимо отметить, что научно обоснованный выбор в пользу равнозначности или неравнозначности понятий «сознательный» и «психический» можно сделать только на основе наблюдаемых закономерностей в сфере идеального отражения действительности и в соответствии с этим употреблять значения слов.

Неосознанное в данный момент по той или иной причине содержание воспоминания, согласно Фрейду, может быть отнесено к сфере психической деятельности, так как оно содействует или противодействует сознательным процессам.

Фрейд считал, что запретное всегда представляет собой открыто или тайно желаемое, истолковывая табу как признаки наличия подавляемых бессознательных желаний. Первоначально возникшие благодаря процессу ци-

визации — Фрейд рассматривал этот процесс преимущественно как ряд отказов от желаний, сопровождаемых чувством «скованности культурой», — вытеснения (первобытные вытеснения), переданные затем в ходе наследования и ставшие позднее внутренними запретами, удерживали такие желания в стороне от сознания, превращая их в бессознательные, запрещенные «цензурой» желания.

Такую же «цензуру» осуществляют неосознанные проявления совести, препятствуя возникновению в нашем сознании подобных неосознанных желаний.

Так как, согласно Фрейду, бессознательным желаниям оказывает сопротивление бессознательная цензура, то весь этот динамический процесс в целом осуществляется бессознательно. Следовательно, мы не являемся хозяевами своей душевной жизни, ведь мы даже и не подозреваем о существовании важнейших механизмов!

Единственным способом проверки всех этих гипотез Фрейд признавал только клинический опыт в его психоаналитическом толковании.

Фрейдовская теория неврозов тесно связана с его учением о бессознательных идеях и желаниях, порождающих конфликтные ситуации и — в зависимости от соотношения сил между психическими «инстанциями» личности — вызывающих симптомы различного характера: истерические, фобические (связанные со страхами), симптомы навязчивых состояний.

Вопрос о том, в невроз какого вида выльется внутренний конфликт — проблема так называемого выбора невроза, — может быть, по Фрейду, разрешен в большинстве случаев только *post hoc*. Форма невроза выявляет внутреннее соотношение сил.

Здесь мы имеем дело с теорией такого типа, которая не поддается верификации или фальсификации, во всяком случае до тех пор, пока мы будем двигаться, подобно циркулю, по кругу, не выходя за пределы клинического опыта, истолкованного в духе психоанализа: последствия обнажают причины, причины выводятся из последствий путем их истолкования.

Подведем итоги. Фрейдовская теория бессознательно-го исходит из того, что фаза, в которой не участвует сознание, является нормальной и неизбежной фазой психического процесса; каждый психический акт начинается

бессознательно; останется ли он таковым до конца или нет, зависит от того, встретит ли он сопротивление, — в противном случае он не может быть отнесен к вытесненному бессознательному. Вытесненное не может покинуть систему неосознанного, так как этому препятствует «страж», «цензура», сопротивление.

Согласно Фрейду, толкование сновидений, так же как и анализ неврозов, показывает, что законы бессознательной психической активности коренным образом отличаются от законов сознательной активности.

Все возражения, выдвигаемые против этой теории, объявлялись квазиневротическими симптомами ущемленного самолюбия и разочарованного самосознания. Таким образом, казалось, что новая доктрина хорошо защищена против критики.

Система Фрейда основана на теории влечения, хотя, конечно, последняя в ходе развития психоанализа претерпела фундаментальные изменения: борьбу между либидо и влечением к самосохранению (сексуальным влечением и «Я»-влечением) Фрейд впоследствии заменил борьбой между Эросом и Танатосом, сексуальным влечением и влечением к смерти. Биологизация и мифологизация психики проявляются уже в самом выборе слов.

Фрейд полагал, что силы влечения в поведении человека в принципе не отличаются от таковых у животных. В этом его точка зрения совпадала со взглядами большинства сторонников изучения сравнительного поведения. Так, например, Н. Тинберген одной из главных причин неудовлетворительного состояния этологии в приложении к человеку считает существующее «почти всеобщее ошибочное представление о том, что причины поведения человека якобы качественно отличаются от причин поведения животных»¹.

При этом этологи рассматривают инстинкты как врожденные автоматические акты поведения и классифицируют их по достигнутым конечным состояниям в соответствии с их нейрофизиологическими основами.

Тот же подход мы видим у Фрейда, который употреблял термин «влечение» вместо «инстинкт» и различал во влечениях источники влечения и цели влечения; по-

¹ См.: N. Tinbergen, *The Study of Instinct*, Oxford, 1951, p. 205.

следние удовлетворяются посредством инстинктивного поведения относительно объекта влечения.

В соответствии со своей приверженностью ламаркизму он считал влечения исторически приобретенными родовыми признаками, которые затем стали врожденными. Эти влечения, направленные на изменяющиеся объекты, формируются в столкновении с окружающей средой на основе замещения, сублимации и торможений. Торможение влечений — таких, как либидо и агрессивное влечение, — сделало неизбежным возникновение чувства растущей «скованности культурой». Согласно Фрейду, способность большинства людей сублимировать свои влечения, то есть отвлекаться от первоначальной цели и находить удовлетворение в объекте, допустимом с социальной точки зрения, очень ограничена.

Так, непреодоленное влечение человека к агрессии проявляется в войнах. Фрейд утверждал, что «искоренение зла невозможно»¹.

В связи с тем, что Фрейд в более позднем изложении своей теории влечений истолковывал агрессию как выход основополагающего влечения к смерти, он пришел к убеждению, что войну следует понимать как попытку психологического самосохранения народа, как выход наружу деструктивного влечения к самоуничтожению, перенос этого влечения с собственного «Я» или со своего народа на другие народы!

Несомненно, Фрейд с течением времени все больше страдал от того, что его субъективное стремление к гармонии личности и гуманизации истории наталкивалось на неразрешимый с позиций его теории конфликт между просветительными и пессимистическими тенденциями в культуре.

Возможно, что на фрейдовскую концепцию деструктивного влечения в какой-то степени повлияли события и переживания первой мировой войны, которые он — при отсутствии у него научных взглядов на историю — не смог теоретически осмыслить.

Психоаналитик А. Мичерлих заявил в 1969 году совершенно в духе Фрейда, что наряду с особыми конкретно-историческими предпосылками войны существуют еще и общие психологические предпосылки, «которые основа-

¹ S. Freud, *Gesammelte Werke*, Bd. 10, S. 331.

ны только на специфике психики человека как представителя особого биологического вида. Не изменив психической конституции... едва ли можно рассчитывать на уменьшение опасности развязывания новой войны. Но как изменить эту неудовлетворительную конституцию человека в нужном направлении? Здесь изучение проблем мира становится непосредственно антропологическим исследованием»¹.

Мичерлих в данном случае только повторяет утверждение Фрейда, что самым большим препятствием на пути культуры является присущая человеку склонность к агрессии и что агрессия проявляется как «не поддающаяся уничтожению черта человеческой природы»².

Фрейд считал, что это положение противоречит коммунизму, которому он произвольно приписывал абстрактный антитезис: «Человек безусловно хорош»³.

При этом Фрейд, отмежевываясь в самых решительных выражениях от защитников «имущественного неравенства людей», в то же время предостерегал от иллюзий, которые, как он считал, связаны с требованиями его упразднения — если учесть «изначальную враждебность людей по отношению друг к другу».

Сейчас Герберт Маркузе вслед за Фрейдом заявляет, что господство одних людей над другими, отсутствие свободы, так же как и культура в целом, обусловлены биологическими инстинктами, а теория классов у Маркса якобы недостаточно глубока и не определяет исчерпывающее фактическое положение вещей.

Решение основных социальных конфликтов, по его мнению, произведет переворот в существующей структуре влечений. Роберт Штейгервальд в своей монографии, посвященной Маркузе, с полным правом иронизирует над подобной «биопсихически углубленной» теорией революции⁴ в рамках теории Маркузе об однородном обществе, которая без всяких к тому оснований претендует на углубление марксизма.

¹ A. Mitscherlich, Aggression ist eine Grundmacht des Lebens, «Der Spiegel», 42/1969, S. 209.

² S. Freud, op. cit., Bd. 14, S. 473.

³ Там же, стр. 472.

⁴ R. Steigerwald, Herbert Marcuses dritter Weg, Köln, 1969, S. 239.

Фрейд нарисовал вымышленную картину жизни первобытного общества, представляющую как бы проекцию известных ему сторон и особенностей жизни современного общества. Однако изучение реальных исторических форм общественной жизни — будь то в первобытном или цивилизованном обществе — не выявляет фактов, подтверждающих его гипотезу. Построения Фрейда не имеют ничего общего с конкретной историей. Здесь мы имеем дело с биологизированной абстрактно-спекулятивной антропологией.

То, что Фрейд называл «психологической нищетой масс», не детерминировано биологически, а обусловлено в конечном счете их экономической нищетой, ущемлением их прав и интересов.

Что касается теории биологически обусловленных влечений и инстинктов, то новейшие исследования подтверждают предвидения И. П. Павлова: инстинкты проявляются как результат интегрирования врожденных реакций с условными, врожденного поведения — с поведением, выработанным в процессе научения.

Павлов говорил, что инстинкты следует понимать так, «что конец одного рефлекса есть возбудитель следующего, т. е. что это цепные рефлексы... Инстинкты часто зависят от определенных внутренних состояний, условий организма... Вообще здесь большую роль играют гормоны, продукты желез внутренней секреции. Но и это тоже не является исключительной принадлежностью инстинктов. Как интенсивность, так и наличие или отсутствие рефлексов прямо зависит от состояния возбудимости рефлекторных центров, а оно в свою очередь находится в постоянной зависимости от химических и физических свойств крови (автоматическое раздражение центров) и от взаимодействия разных рефлексов друг на друга...

Таким образом, как рефлексy, так и инстинкты — закономерные реакции организма на определенные агенты, и потому нет надобности обозначать их разными словами»¹.

Недавно американский ученый Дж. П. Хэйлман, исследуя поведение птенцов смеющихся чаек, экспериментально установил взаимодействие врожденных (безуслов-

¹ И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 25—26.

ных) и условных реакций инстинктивного поведения у этого вида животных¹.

При этом он исходит из понятия инстинкта или влечения, согласно которому инстинкты как у животного, так и у человека представляют собой довольно сложный стереотипный образец деятельности, специфичный для данного вида, который наследуется и не может быть выработан в результате научения.

Хэйлман, однако, показывает, что инстинкты в исследованном им случае (речь идет о точности, с которой птенец схватывал клюв кормящего его родителя) частично были результатом научения, и заявляет, что, вероятно, также, и другие инстинкты содержат компоненты научения.

Поведение птенцов, исследованное Хэйлманом, указывает на то, что нормальное развитие инстинктов включает компоненты научения.

При этом все особи, принадлежащие к одному виду животных, при нормальных условиях развития подвергаются сходному процессу научения. Нельзя рационально разделить такое поведение на врожденное и приобретенное в результате научения: «Развитие поведения есть мозаика, созданная в результате постоянного взаимодействия развивающегося организма с окружающей его средой»².

Очевидно, выводы из наблюдений Хэйлмана — а также результаты аналогичных экспериментов других исследователей — в еще большей степени могут быть отнесены к человеку. Инстинктивное поведение не играет определяющей роли в жизни человека. Он противостоит среде, все в большей и большей степени создаваемой им самим, в той мере, в какой он способен постепенно адаптироваться к этой среде — которая все быстрее изменяется, — а также постоянно приспосабливать эту среду к своим потребностям посредством своей деятельности.

Для этого необходима — если оперировать понятиями Павлова — постоянная выработка новых условных рефлексов первой и второй сигнальной систем, развивающихся на базе безусловных рефлексов.

¹ См.: J. P. Hailman, How an Instinct is Learned, «Scientific American», 12/1969.

² J. P. Hailman, op. cit., p. 106.

Согласно представлениям Фрейда, напротив, влечения являются формами поведения, которые коренным образом отличаются от рефлекторного поведения. «Возбуждение влечения исходит не от внешней среды, а изнутри самого организма,—заявлял он.—Влечения, а не внешние раздражения являются теми подлинными моторами прогресса, которые привели безгранично работоспособную нервную систему к ее современному высокому уровню развития»¹.

При этом он утверждал, «что самая глубинная сущность человека состоит в порывах влечений, которые, будучи по своей природе элементарными, одинаковы у всех людей и служат удовлетворению определенных первобытных потребностей»².

В отношении упомянутых инстинктивных «моторов прогресса», обусловленных влечением, Фрейд писал: «Хотя они и являются конечной причиной всякой активности, они все же консервативны по своей природе; из каждого состояния, которого достигло живое существо, вытекает стремление вернуться к этому состоянию, как только оно оказывается пройденным этапом... Если мы предположим, что живое со временем станет неживым и что оно возникло из неживого, то тогда влечение к смерти уложится в упомянутую формулу о том, что влечение к возврату прежнего состояния... сдерживает агрессию»³.

«Вопрос о судьбе человеческого рода, по-видимому, сводится лишь к тому, удастся ли и если удастся, то в какой мере в ходе культурного развития преодолеть те нарушения процесса совместного бытия, к которым приводит влечение человека к агрессии и самоуничтожению»⁴.

Реальное, исторически неопровержимое развитие производства, а вместе с ним и развитие потребностей — об этом уже говорилось выше — и вытекающее отсюда воспитание чувств и мыслей представляется, таким образом, Фрейду как по существу негативный процесс, как ограничение удовлетворения влечений, то есть в конечном счете ограничение удовлетворения врожденных потребностей человека.

¹ S. Freud, op. cit., Bd. 10, S. 211.

² Там же, стр. 331.

³ Там же, т. 17, стр. 70, 72.

⁴ Там же, т. 14, стр. 506.

Таким образом, человек предстает в лучшем случае как временно обузданное животное, чьи деструктивные влечения имеют склонность периодически выливаться в войнах.

История, как представляется Фрейду, сводится к истории обуздания изменяющихся влечений человека и продиктованного цивилизацией вынужденного его отказа от удовлетворения своих потребностей, причем в зависимости от взаимодействия и соотношения присущих ему влечений к жизни и к смерти наступает либо прогресс, либо регресс, либо мир, либо война.

«Скованность культурой» как результат такого навязанного человеку положения создает питательную почву для неврозов, которые могут быть поняты как болезни современной цивилизации. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Мы видим, насколько антиисторическим, поистине мифологическим является представление Фрейда о человеке! Антинаучная биолого-физиологическая концепция влечений соединяется у него со столь же антинаучной исторической концепцией.

Вне поля зрения Фрейда остались как основанное И. П. Павловым материалистическое учение о поведении животных, так и марксистское толкование исторических законов развития общества. Фрейд даже не был знаком с обоими этими учениями, хотя и был их современником.

Чтобы выяснить, какой смысл вкладывал Фрейд в понятия нормальных и патологических функций человеческой психики, необходимо рассмотреть его представление о психической структуре личности.

Впрочем, эти представления также подверглись переоценке, когда Фрейд перешел от своего первоначального учения о полярности влечений: либидо — самосохранение к новой полярности: эрос — влечение к смерти.

Психическую динамику он расценивал как борьбу между требованиями внешней среды, инстанцией «Оно» и инстанцией «Сверх-Я»; причем его «Я» является отчасти сознательным, отчасти бессознательным. «Инстанцию» души, которая ведет себя так, будто бы она является бессознательной, Фрейд называл «Оно».

«Я» простирается от своей «пограничной поверхности» с внешней средой к турбулентной наследственной и конституционно зафиксированной инстанции «Оно», ко-

торая прежде всего охватывает влечения физического порядка.

Из «коркового слоя» «Оно» дифференцируется «Я» как инстанция-посредник между «Оно» и внешней средой. «Я», стремясь получить удовольствие, в то же время старается избежать неприятностей; причем «сигналы страха» предупреждают о вызывающей неудовольствие опасности.

На основе воспитательного воздействия родителей или табу, сохранившихся со времен первобытного общества и зафиксированных наследственно, в «Я» выработалась особая инстанция «Сверх-Я», исполняющая обязанности «совести», нечто вроде «третьей силы». В большинстве случаев это «Сверх-Я» осознается как нечистая совесть.

В соответствии с этим психоаналитическая картина души толкует «Оно» как средоточие энергии влечений, которые исходят от телесных возбуждений и обуздываются «Я» посредством отказа или частичного удовлетворения, причем «Сверх-Я» теснит «Я» сверху. Так Фрейд наглядно изображает динамику души как постоянную битву, происходящую в рамках подобного треугольника.

При этом Фрейд предпринимает попытку представить борьбу этих инстанций в трех измерениях: «топическом, динамическом и экономическом» — соответственно относительным условиям системы, движения и количества, в которых функционирует «психический аппарат». Такие взгляды получили название метапсихологических. Нарушение соотношений между инстанциями влечет за собой нарушение функций.

Однако «Я», чтобы оставаться здоровым, должно удовлетворять «задачам, требованиям своих трех компонентов, от которых оно зависит: реальности, «Оно» и «Сверх-Я», и при этом сохранять свою организацию»¹.

Если «Я» отрывается от реальности внешней среды, оно подпадает под влияние внутреннего мира, в результате возникает психотическое состояние.

Фрейд придерживался мнения, что психозы, которые он объяснял как психофункциональные расстройства, очень близко стоят к наиболее частым психическим рас-

¹ S. Freud, op. cit., Bd. 17, S. 97.

стройствам — неврозам. У невротиков «условия заболевания, как и патогенные механизмы... должны быть точно такими же или по меньшей мере очень похожими. Но у них «Я» обладает большей сопротивляемостью и менее дезорганизовано»¹.

Однако новейшие данные физиологии противоречат теории психозов Фрейда, согласно которой причины психических заболеваний носят чисто психофункциональный характер. В настоящее время все отчетливее вырисовывается картина, представляющая причины этих заболеваний, которые часто обнаруживают способность к спонтанной ремиссии (обратному развитию заболевания без лечения) как возможное следствие нарушений обмена веществ, что, однако, ничуть не снижает значения общественного фона, изменения которого иногда вызывают или сопровождают эти заболевания.

Безусловно, у людей основными мотивами функциональных расстройств являются сложные, полные противоречий ситуации общественной среды, потрясения, конфликтные столкновения стремлений и желаний. Неврозы у животных носят биологический характер, у человека — преимущественно социальный.

Однако психоаналитическая теория считает неврозы прямыми или косвенными последствиями зафиксированных, вытесненных и потому бессознательных либидинозных или деструктивных желаний, восходящих к временам раннего детства, которые, реактивируясь, становятся симптомообразующими. Подобное понимание механизма возникновения неврозов практически исключает всякую возможность спонтанных ремиссий, которые мы нередко наблюдаем в действительности, и таким образом вступает в противоречие с последними.

Если бы невротические заболевания всегда можно было свести к конфликтным событиям раннего детства, которые связаны с эдиповым комплексом, то тогда такие болезненные явления не могли бы исчезнуть сами по себе.

Спонтанные ремиссии при неврозах противоречат теории Фрейда и ставят под вопрос всю его терапию. На это указывают и многие видные западные специалисты. Так, например, профессор Г. Дж. Айзенк считает, что невро-

¹ Там же.

тическое поведение человека следует понимать как результат научения и лечить его, исходя из этого; спонтанные ремиссии следует расценивать как угасание условно-рефлекторных реакций. В соответствии с этой теорией неврозов он рекомендует поведенческую терапию (behaviour therapy).

Различного типа патологические нарушения, извращения, наркомания и некоторые формы антисоциального поведения, которые Фрейд также расценивал и лечил с позиций психоанализа, находят свое объяснение и могут быть излечены на основе павловского учения.

При этом для лечения таких расстройств необходимо активное, сильное «антиобусловливание», которое лишает привлекательности аномальные или антисоциальные поступки, доставляющие больным удовольствие. Это достигается путем выработки условных реакций, действующих в направлении, обратном неправильному поведению (разумеется, с согласия пациентов), что осуществляется в тщательно продуманных квазиэкспериментальных ситуациях «обусловливания».

Значительный процент выздоровлений при таких методах лечения (терапия поведения действует в большинстве случаев быстрее, чем наступают спонтанные ремиссии, то есть спонтанное «деобусловливание») подтверждает правильность павловской теории неврозов. Одновременно опровергается психоаналитическая теория неврозов, и именно в той области, которую сам Фрейд считал решающей. Тем самым подтверждается несостоятельность его учения о человеке, которое преподносилось как клинически обоснованное.

Следует подчеркнуть: критикуя фрейдовскую трактовку человека и мотивации его поведенческих реакций, мы признаем известное значение выдвинутого им положения о том, что подавленные импульсы могут при определенных условиях привести к заметным физиологическим и психологическим нарушениям, существование которых нередко не осознается самим больным.

Ученые павловской школы исследовали случаи выполнения приказаний, отданных человеку, находящемуся в состоянии гипноза, и вызывающих у него отвращение, о которых после пробуждения он не вспоминает. При этом в поведении испытуемых наступали временные нарушения как следствие антагонистической борьбы между таки-

ми бессознательными, внушенными действиями и осознанными требованиями личности к самой себе¹.

Восстановление нормального состояния происходит спонтанно, но может быть достигнуто также путем нацеленного противоположного воздействия. Заметим, что такие процессы имеют значение совсем в другой связи. Выше уже говорилось об общественной обусловленности многих человеческих потребностей, об их воспитуемости, а также о возможностях манипулирования ими. Манипулирование может не осознаваться тем, кто является объектом манипуляции, однако оказывает очень большое воздействие на его психику.

При капитализме, как известно, потребитель является лишь средством реализации капитала: он как покупатель должен содействовать реализации прибавочной стоимости, созданной путем эксплуатации.

Интересам монополистического капитала служат психологические исследования мотивов спроса и потребления, которые призваны выяснить и научно обосновать способы воздействия на сознание покупателей.

Это нужно совсем не для того, чтобы вызвать к жизни такие потребности, которые будут направлены на развитие личности человека, а лишь для того, чтобы сформировать потребителя произведенных товаров, который либо за наличные, либо в кредит приобретает вещи скорее из тщеславия, чем по необходимости. В полном соответствии с остроумным замечанием: на деньги, которых не имеешь, покупаешь вещи, в которых не нуждаешься.

Методы рекламы товаров широкого потребления проникли в политику. Объясняется это тем, что многие из политических партий, поддерживающих капиталистическое господство, похожи одна на другую как близнецы.

Для того чтобы подчеркнуть несуществующее различие, понадобилось привлечь психологию рефлексов и «обусловливания» — сначала на рынок товаров, а потом на рынок мнений. Об этом рынке писал Брехт: «Здесь перелицовываются мнения. Потом они выглядят повеньками!»²

¹ См.: A. R. Luria, *The Nature of Human Conflicts — An Objective Study of Disorganization and Control of Human Behaviour* (1923—1930), New York, 1960, p. 132, 242.

² B. Brecht, *Gesammelte Werke*, Bd. 5, Frankfurt, 1973, S. 2198.

Созданные подобным образом «потребности» должны породить псевдоиндивидуальности, человеческий товар, носящий штамп тех сортов товаров, приобретение которых представляется столь соблазнительным.

Именно с такой целью злоупотребляют данными науки, в том числе и науки об экспериментальном анализе поведения. Б. Ф. Скиннер назвал разработанную им дисциплину «технологией поведения». Однако сам Скиннер ставил перед психологами, призванными выступать в роли «инженеров поведения», более человеческие задачи. Согласно Скиннеру, путем закрепления — в смысле павловского закрепления условного раздражителя, за которым много раз подряд должен следовать безусловный раздражитель, — должны приобретать большую силу, обогащаться, внедряться в практику социально желательные виды поведения.

Однако Скиннер не в состоянии понять, что общие целевые установки не пригодны там, где требуется умение ориентироваться в конкретной истории, в классовой борьбе и на основе объективной констатации реального смысла исторического процесса сначала найти смысл собственной жизни, а потом в борьбе добиваться его осуществления.

Только объективно научный анализ социальных отношений и партийный подход с позиций передового класса общества могут предотвратить злоупотребление психологией в целях манипуляции.

Граничащая с суеверием вера во всемогущество манипулирования представляет собой лишь частицу заветной мечты господствующих классов об увековечении эксплуатации. Современная история, демонстрируя силу искусства ведения империалистическими кругами «психологической войны» на международной арене и манипулирования общественным сознанием во внутренней политике, в то же время обнажает их полное бессилие перед лицом неудовлетворенных классовых интересов эксплуатируемых и освободительных устремлений порабожденных.

Нельзя, однако, убедить людей и в необходимости революционной активности с помощью психологической техники, к которой прибегают, уговаривая покупателя сделать выбор между сортами товаров, мало чем отличающихся друг от друга.

Встать на революционный путь означает совершенно сознательно занять антагонистическую позицию по отношению к господствующему строю и его идеологии. Невозможно порвать с прошлым, не преодолев старых предрассудков. Решение стать революционером предусматривает трезвую критику существующего строя. Способность же к критике не может быть достигнута путем одного внушения.

Объектом марксизма является прежде всего сознание в рамках исторического материализма, то есть общественное сознание, поскольку исследуется его обусловленность общественным бытием, а также его обратное воздействие на общественное бытие.

Законы же преобразования и перевода бытия в сознание, которые происходят в голове индивида, исследует частная наука — психология. Подобно всем другим наукам, она поставляет марксистской философии материал для обобщений и в то же время получает от философии ориентацию и стимул, но сама она, однако, не относится ни к одной из трех основных составных частей марксизма — диалектическому и историческому материализму, марксистской политической экономии, научному социализму.

Общественное сознание есть совокупность исторически определенных «политических, мировоззренческих, моральных, правовых взглядов, которые возникают и действуют в соответствующем обществе как идеальное выражение общественных процессов жизни, осуществляющихся в процессе материального производства и воспроизводства, а также в классовой борьбе». Оно «включает в себя не только рациональные мысли по поводу общественной жизни, но и воображение, иллюзии, настроения, возникающие в сознании совсем не путем рациональных размышлений»¹, то есть социальные «фантазмагории», «искаженное сознание».

Смешение вопросов психологии с вопросами социологии, которые относятся к сознанию, то есть «психологизм», — обычное явление в буржуазной идеологии. Характерные для него попытки «сводить социальное явление к поведению индивида»² у Фрейда дополняются еще и

¹ G. Klaus, M. Buhr, *Philosophisches Wörterbuch*, Bd. 1, Leipzig, 1969, S. 423.

² P. A. Baran, 'Marxism and Psychoanalysis', «Monthly Review Pamphlet Series», № 14, 1960, p. 5.

«биологизмом» — попыткой свести индивидуальную психику к сфере мнимых, биологически обусловленных влечений человека.

В сущности — как это будет показано ниже, — Конрад Лоренц идет тем же путем. Фрейд был не в состоянии ни научно объяснить физиологические основы социального поведения индивидов, ни понять конкретно-исторические условия, которые в буржуазном антагонистическом обществе делают неизбежными конфликтные ситуации и часто вызывают соответствующие им психические расстройства.

«Психическая ницета масс», живущих в условиях эксплуатации, угнетения и отчуждения современного капитализма, вытесняет многих из пределов «нормальности», лишая их способности к психической адаптации. Стремление повысить адаптационную способность к унижительным условиям существования до масштабов «нормальности», между прочим, нередко разоблачает истинное стремление буржуазной идеологии рекомендовать готовность к адаптации, к аккомодации, а не к сопротивлению, к протесту, к бунту, к ниспровержению.

Попытка Фрейда объяснить иррациональные черты нашего времени, используя психологические, точнее, психоаналитические средства, должна была потерпеть неудачу вследствие отмеченных выше смещений психологии с социологией и свойственной Фрейду односторонности. Причины подобных неудач давно уже рассматривались марксизмом. Марксизм показал, как возникает «искаженное» общественное сознание, включая и превратное сознание о самом сознании. Подобно тому как марксизм не только доказывает ошибочность религии, но и объясняет ее социальные истоки и процесс возникновения искаженного религиозного мировоззрения, марксисты не только опровергают специфические психоаналитические теории Фрейда, но и выясняют социальные причины их появления, причины их популярности и столь широкого распространения психоанализа.

Искаженному буржуазному сознанию вообще свойственно желание объяснять выработанное при конкретных исторических условиях поведение индивидов «природой человека».

Как и Жан-Жак Руссо, безуспешно пытавшийся в своем сочинении «О причинах неравенства между людьми»

(1755) отличить то, что заложено в натуре человека, от примесей, которые породили модифицирующие «условия», более поздние критики буржуазных условий, остающиеся в плену буржуазных предрассудков, не поняли исторического характера этих условий.

Как правило, они не могли понять того, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений», как писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе»¹.

«Общество» в буржуазном мировоззрении предстает как сумма неизменных индивидов независимо от того, будем ли мы их признавать от природы антисоциальными (как это имеет место у Гоббса и, в сущности, также у Фрейда) или от природы преисполненными взаимной любви (как, например, у Фейербаха).

«В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей... он представляется не результатом истории, а ее исходным пунктом»².

Если для Фрейда социология и история есть «не что иное... как прикладная психология»³, объектом исследования которой является существо, остающееся неизменным и в принципе ничем не отличающееся от животного, то, с точки зрения Маркса, вся история есть не что иное, как прогрессирующая трансформация человеческой «природы».

Ссылка Фрейда на «животный мир» — как и ссылка Лоренца, учение которого мы рассмотрим в следующем разделе, — неправомерна. Профессор Д. Кац убедительно замечает по поводу учения Фрейда о влечении к смерти, что самым веским аргументом против него является «отсутствие такового в мире животных»⁴.

Вряд ли возможно приписать деструктивные силы империализма абстрактному индивиду. Фрейд же судит о душевной конституции таких абстрактных индивидов, применяя свое учение о влечениях, которое, по его при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

² Там же, т. 12, стр. 709—710.

³ S. Freud, op. cit., Bd. 15, S. 194.

⁴ D. Katz, Mensch und Tier — Studien zur vergleichenden Psychologie, Zürich, 1948, S. 295, прим. 1.

знанию, является, «так сказать, нашей мифологией. Влечения — это мифические существа, величественные в своей неопределенности»¹.

На основе такой мифологизированной и неопределенной доктрины об агрессивных влечениях Фрейд был вынужден подойти к «вопросу о судьбе человеческого рода»: «Удастся ли и в какой степени в ходе культурного развития справиться с помехами на пути совместного бытия, причины которых лежат во влечении человека к агрессии и к самоуничтожению. В этой связи именно настоящее время представляет, вероятно, особый интерес. Люди в овладении силами природы зашли теперь так далеко, что с их помощью им теперь легко истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они это знают, отсюда в значительной степени их теперешнее беспокойство, их несчастья, их страх. И теперь следует ожидать, что вторая из двух «небесных сил», вечный Эрос, сделает усилие, чтобы утвердить себя в борьбе с таким же бессмертным противником. Но кто может предвидеть, на чьей стороне окажется победа и каков будет исход»².

Поистине мы находимся в царстве мифов и неразгаданных решений богов! С каким красноречием говорил бы Фрейд о своих страхах за человечество после начала второй мировой войны, после открытия расщепления атомного ядра и уничтожения Хиросимы и Нагасаки или в связи с тем, что сейчас ежегодно в мировом масштабе расходуется свыше 200 миллиардов долларов на вооружение!

Если люди будут относиться к такому положению дел с позиций мифологии вместо того, чтобы заниматься критическим анализом общества, если они будут трепетать от страха вместо того, чтобы бороться, то следует опасаться, что они пожнут плоды своего страха.

О том, что психоаналитические рассуждения не пугают эксплуататоров и их идеологических апологетов, может свидетельствовать уже сам факт присуждения Франкфуртской премии мира немецкой книжной торговли (1969) психоаналитику А. Мичерлиху.

Тот, кто антропологизирует современные проблемы войны и агрессии, рассматривает их как общечеловечес-

¹ S. Freud, op. cit., Bd. 15, S. 194.

² Там же, т. 14, стр. 506.

кие, а не как обусловленные классовой борьбой, не мешает империалистам развязывать войны и готовить новые войны и агрессии. Мичерлих начинает свою последнюю книгу с тезиса о том, что «легкая возбудимость агрессивного поведения» есть «типичный родовой признак человека». «Ненасытная жажда прибыли у капиталистов», по его мнению, «недостаточное, шаблонное объяснение». Причем он полагает, что «такие попытки сверхупрощения, как «капиталист» или «коммунист», представляют собой явный самообман». «Если бы не существовало чего-то подобного «влечению к смерти» — во всяком случае, в человеческом роде, — то смерть «на поле чести» была бы необъяснима».

Мичерлих считает, что избежать агрессии невозможно, что «общество периодически дает своим членам разрешение на жестокое угнетение и убийство представителей своего рода, которые объявляются заклятыми врагами». «Мы склоняемся к точке зрения, что агрессия относится к сущности человека, — продолжает он, — поэтому ее можно только смягчить». По его мнению, истоки агрессивности следует искать в природе человека.

Мичерлих приходит к выводу, что «пятьдесят войн и ситуаций, близких к войне, которые имели место со времени окончания второй мировой войны, демонстрируют силу давления коллективно неудовлетворенных инстинктивных потребностей!». Для Мичерлиха «мир без ведущей к отчуждению работы — утопия»¹.

К таким глубоко ошибочным заключениям приводит Мичерлиха, так же как и его предшественника Зигмунда Фрейда, ложная система отсчета. На проблеме «человеческой агрессивности» мы остановимся в последнем разделе данной работы. При этом мы отнюдь не намерены — это следует подчеркнуть, чтобы предотвратить недоразумения, — оспаривать тот факт, что поведение людей может быть как агрессивным, так и сексуально обусловленным. Однако оба эти вида поведения, поскольку они заложены биологически, должны определяться не спекулятивно, а путем точных научно обоснованных наблюдений и экспериментов, с учетом социального контекста, когда речь идет о человеке.

¹ A. Mitscherlich, Die Idee des Friedens und die menschliche Aggressivität, Frankfurt, 1970, S. 9, 13, 15, 17, 78, 80, 129, 132.

И Фрейд и Мичерлих проявляют особую склонность к антропологическим обобщениям, когда речь заходит о причинах возникновения войн в новейшей истории, хотя истинные причины войн в древнем мире и в средние века также достаточно известны.

Создается впечатление, что оба приверженца психоанализа знали только понаслышке о марксистской теории истории вообще, о марксистском анализе капитализма и империализма в частности, так же как и о вытекающей из этого анализа трактовке сущности капиталистических и империалистических войн. Обоим им свойственно непонимание того, что существовали и продолжают существовать экономически обусловленные антагонистические общественные устройства, которые толкали и толкают к классовой борьбе и войнам совершенно независимо от большей или меньшей агрессивности (или неагрессивности) характеров участвующих в этом индивидов — причем, конечно, следует иметь в виду, что классы стремятся воспитать нужные им типы характеров.

Антагонизм, коренное противоречие, лежащее в основе этих общественных устройств, должен быть объяснен в каждом случае конкретно-исторически, исходя из политико-экономических условий существования, из особенностей антагонистических отношений собственности, которые существуют внутри государств или между государствами, и вытекающих отсюда отношений между классами.

Ленин в одной из своих работ выдвинул существенный в данной взаимосвязи тезис марксизма. При этом он ссылается на Карла фон Клаузевица (1780—1831), прусского генерала и военного писателя, который находился под влиянием Гегеля и в своем произведении «О войне» писал: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»¹.

«„Война есть продолжение политики“ того или иного класса, — писал Ленин, — и в каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов»².

¹ К. Клаузевиц, О войне, т. 1, М., 1937, стр. 23.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 365.

В бесклассовом первобытном обществе — с ним связана большая часть истории человечества, — конечно, имели место конфликты с применением насилия, однако не было войны как узаконенного института, как всеобщего явления.

Только после возникновения частной собственности на средства производства и образования антагонистических обществ война стала узаконенным политическим средством внеэкономического принуждения.

С тех пор как существует эксплуатация человека человеком, имеет место и узаконенное истребление человека человеком.

Так, например, Римская империя начиная с третьего столетия до н. э. была государством, для которого очень точно подходит, по словам Макса Вебера, меткое определение империализма США как «warfare-state» — воюющего государства (вместо «welfare-state» — государство благоденствия). Он писал: «Античная культура — это культура рабов... Только рабовладельцы могут удовлетворять свои потребности и повышать свой жизненный уровень за счет труда рабов. Только производство, осуществляемое рабами, было в состоянии, покрывая собственные нужды, производить добавочную продукцию для рынка... Война в древнем мире была одновременно охотой на рабов; она поставляла на рынок рабов товар и тем самым неслыханным образом способствовала использованию подневольного труда...»¹.

«Античное производство с применением труда рабов пожирало людей так же, как современные доменные печи пожирают уголь. Рынок, где велась торговля рабами, и его регулярное и достаточное снабжение человеческим товаром является неотъемлемой предпосылкой существования казармы рабов, выпускающей продукцию для рынка... Таким образом это производство зависит от регулярной доставки людей на рынок, где торгуют рабами».

Такова главная причина, которая вынуждала Римскую империю вести постоянные войны, охотиться за рабами, и она же является одной из причин, которые обрекли ее на падение.

После того как «последние захватнические войны второго столетия, которые фактически приобрели характер

¹ M. Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Tübingen, 1924, S. 293 ff.

охоты на рабов, закончились, должны были сократиться огромные плантации с их рабами, которые не имели ни семьи, ни собственности...»

Итак, не «природа человека», а природа общественного строя Римской империи этого времени является причиной войн, которые она вела. Приведенный анализ Макса Вебера совпадает с высказываниями других исследователей древности¹.

Не спекулятивные рассуждения об «избытке агрессивности», а конкретно-исторические исследования, касающиеся политико-экономической «анатомии» общества, дают ответ на вопрос о причинах воинственного поведения определенных классов в определенное время.

Путем войн господствующие классы присваивают себе материальные богатства и производительные силы (средства труда и рабочую силу): рабовладельцы ведут войны за рабов; феодалы — за присвоение земельных владений вместе с крепостными (а также для того, чтобы превратить людей, живущих на этих землях, в своих вассалов); капиталисты — с целью получить или удержать рынки сбыта, источники сырья, сферы для вложения капитала. Ввиду неравномерного развития буржуазных государств империалистические войны на монополистической стадии капитализма служат основным путем для передела ранее уже поделенного — отчасти традиционно, отчасти путем войн — мира.

Меткое определение сопутствующего империализму колониализма как перманентной агрессии остается актуальной его характеристикой.

Гражданские войны и справедливая освободительная борьба эксплуатируемых и угнетенных, выступающих против уготованного для них эксплуататорами и угнетателями неравноправного положения, также должны быть обоснованы и объяснены конкретно-исторически, а не с позиций биологии и физиологии.

Так как массы были и остаются наиболее страдающей стороной при всех войнах, им присуще стремление, руководствуясь научным социализмом, создать такие общественные отношения, которые навсегда уничтожили бы антагонизм и антагонистические классы.

¹ См.: L. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, p. 57 etc.

Однако до тех пор, пока существуют господствующие эксплуататорские классы, путем гонки вооружений и войн получающие максимальные прибыли (гонку вооружений и войны в конечном счете оплачивают массы, которые платят налоги), пытающиеся сохранить массовую безработицу со всеми ее последствиями, навязывающие социалистическим странам тяжкое бремя расходов, необходимых для целей обороны и для оказания всесторонней поддержки всем тем, кто участвует в справедливой борьбе против империализма,— до тех пор в мире будут существовать, с одной стороны, угроза войны и сами войны, а с другой — борьба народов против агрессии и движение борцов за мир.

Человек, приравненный к животному

Люди получили в наследство от животного мира не только формы тела, но также определенные физиологические функции — включая и некоторые формы поведения, управляемые центральной нервной системой.

Эта преемственность обеспечивается наследственной предрасположенностью, которую, согласно данным генетики, нужно понимать не как наследование свойств, а как передаваемое по наследству предрасположение реагировать на определенные условия среды выработкой определенных свойств, то есть как наследование «норм реакции».

Последние образуют совокупность унаследованных предрасположенностей организма, которые взаимодействуют между собой. Они определяют поведение живого существа относительно тех или иных условий среды. Это поведение может быть как бы «жестко закрепленным наследственно», то есть в соответствии со своей предрасположенностью организм будет реагировать на изменяющиеся условия среды выработкой одного и того же признака. Вместе с тем живое существо может — опять-таки в соответствии со своей предрасположенностью (в отношении определенных особенностей формы тела или формы поведения) — вырабатывать различные, причем именно целесообразно различные признаки, то есть вести себя пластично. Любая способность к научению предполагает пластичность.

Мы уже говорили выше, что в инстинктивном поведении наследственно закрепленные реакции также могут

переплетаться с реакциями, приобретенными путем научения.

В еще большей мере относится это к тем формам поведения, которые — на основе закономерных способностей нервной системы к реакции — должны быть усвоены исключительно путем научения! Как это происходит, экспериментально установлено благодаря павловскому объяснению образования условных рефлексов.

Сравнительное исследование поведения животных — этология — со времени своего возникновения, более полувека назад, собрала обильный материал как о наследственно закрепленных, так и о пластичных формах поведения у самых различных видов животного мира. Она исследовала как наследственно закрепленные проявления инстинктов, возникшие в ходе исторической адаптации вида, так и сформировавшиеся таким же путем предрасположения к научению, которые гарантируют необходимый уровень пластичности, различный у различных видов животных.

Очевидно, эта способность к научению — при одновременном уменьшении роли инстинкта — является обязательной предпосылкой такого поведения человека, которое в процессе исторического развития за сравнительно короткий срок сделало возможным многообразие изменяющихся форм общественного бытия. С этого следует начать, чтобы дать отпор антидиалектическим, механистическим воззрениям при изучении поведения животных, по отношению к которому поведение человека должно рассматриваться и как преемственное, и как проявление нарушения преемственности, если связь и разрыв между животным миром и человеком понята правильно, в том числе и в отношении поведения.

Значение сравнительного исследования поведения в применении к человеку заключается в том, что оно показывает преемственность эволюционного развития, связь людей с их предками — животными.

Однако если не принимается во внимание или недооценивается разрыв в преемственности, то есть недооценивается специфика социального процесса развития человека, то следствием всегда были и будут ошибочные концепции чисто «этологического понимания человека».

Принципиальная ошибочность биологизации поведения человека выступает в наиболее четко выраженном и мо-

дернизированном виде в работах Конрада Лоренца, получивших широкую известность на Западе. Лоренц пытается перенести на человека, трактуемого в духе Фрейда, результаты своих зачастую выдающихся исследований, касающихся теории мотивации, отношений между родителями и детьми, раннего научения, эволюции поведения и критериев поведения, классифицированных в соответствии с видами животных.

Лоренц разделяет склонность Фрейда к описанию (вместо экспериментирования), к спекуляции (вместо выдвижения обоснованных теорий), к беллетризированной форме изложения, проявляя при этом, также подобно Фрейду, талант писателя. Однако в то время, как Фрейд во второй половине своей жизни весьма пессимистически подходил к возможностям био- и психоантропологии, Лоренц настроен значительно оптимистичнее, причем его оптимизм при ближайшем рассмотрении его концепции человека кажется еще менее обоснованным, чем пессимизм Фрейда.

По-видимому, Лоренц едва знаком с учением Павлова, точно так же как Фрейд, который не знал трудов своего современника.

Цитируя Павлова, Лоренц, как правило, ссылается на одну-единственную его статью¹.

Лоренц исследует прежде всего «врожденные» формы поведения, которые информируют определенные виды животных о том, что для них хорошо и что плохо². Без наследственной передачи такой «информации» (это понятие здесь, конечно, не включает обнаружение информации организмом) ни один организм не был бы жизнеспособен и не мог бы стать звеном в цепи индивидов своего вида.

Этому соответствует павловское понятие унаследованного безусловного рефлекса, который обеспечивает целесообразную реакцию или возможность научения ей при соответствующих условиях окружающей среды, то есть выработку условного рефлекса на основе безусловного.

¹ См.: K. Lorenz, *Gesammelte Abhandlungen aus dem Werdegang der Verhaltenslehre*, Bd. II, München, 1965, S. 382; см. также: *Die instinktiven Grundlagen menschlicher Kultur*, «Die Naturwissenschaften», Hf. 15/16, 1967, S. 388.

² См.: K. Lorenz, *Evolution and Modification of Behaviour*, Chicago, 1965, p. 17.

Безусловные рефлексy — это специфические для данного вида предрасположения к определенному поведению в ответ на раздражения, филогенетическое «программирование» организма. Возможно, что морфогенетические (формообразующие) процессы имеют ту же химическую базу, что и известные нейрофизиологические программы, — именно к такому выводу близка экспериментальная теория памяти в некоторых своих последних, уже упомянутых выше результатах¹.

Во всяком случае, Лоренц придерживается мнения, «что спонтанность многих инстинктивных способов поведения, их явно значительная независимость от внешних раздражителей не может быть объяснена, если исходить из принципа рефлекса»².

Подобно ряду других авторов, он объясняет врожденные формы поведения не цепью безусловных рефлексов — часто переплетенных с условными, — как это делал Павлов, а «эндогенно-автоматическими механизмами», причем он полагает, что сама нервная система управляет ими как особой «элементарной деятельностью».

Лоренц заявляет при этом, что, поскольку внешние раздражители, функционирующие как «пусковые раздражители», вызывают реакцию, речь идет, очевидно, все же «о том же самом, что И. П. Павлов обозначает как безусловный рефлекс»³. Следует добавить, что «скрещивание рефлекса с дрессурой»⁴ у Лоренца соответствует представлениям Павлова о сущности инстинктов.

Однако Лоренц неверно, механистически истолковывает павловское учение о рефлексе. По-видимому, это происходит также и из-за недостаточного знания трудов Павлова.

Павлов и его ученики считают, что раздражители, вызывая реакции, действуют не как внешний механический толчок, а воздействуют на внутреннюю специфику структур и функций как пусковые раздражители.

Элементарное действие, которое Лоренц рассматривает как накопление внутренних эндогенно-автоматических ме-

¹ См.: N. Tuschmalowa, Die RNS und die bedingtreflektorische Tätigkeit, «Ideen des exakten Wissens», 9/1969, S. 563—568.

² K. Lorenz, Gesammelte Abhandlungen, Bd. II, S. 133.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же, т. I, стр. 304.

ханизмов, в соответствии с этим может быть понято как крайний пограничный случай схемы раздражитель — реакция, в котором звено-раздражитель как член отношения отступает на самый задний план.

Однако для объяснения специфики результата действия следует полностью учитывать внутреннюю структуру и способ функционирования органа — независимо от того, будем ли мы называть его «реагирующим» или «активно действующим».

Ни в коем случае — это следует особенно подчеркнуть — нельзя при выяснении спорных вопросов между представителями павловской школы и приверженцами Лоренца действовать на манер натурфилософии, то есть прибегать к спекулятивной аргументации, так сказать, в угоду «монизму» в нейрофизиологии! Собственная активность нервной системы убедительно подтверждается не только электрофизиологически; а рефлекторная деятельность доказана более чем достаточно. Пограничные случаи между обоими видами деятельности не должны затруднять понимания взаимодействия между ними.

Итак, если определенные формы поведения могут быть расценены как реактивные или спонтанные, то для них, во всяком случае, необходима унаследованная функциональная готовность — независимо от того, является ли она наследственно закрепленной или отличается большой пластичностью. Как филогенетически зафиксированные, так и приобретенные путем научения в процессе жизнедеятельности образцы поведения всегда базируются на системных свойствах организма.

В случае инстинктивного поведения жизненный опыт животного усиливает унаследованный образец или модифицирует его. Очень часто познания об объекте, вызывающем реакцию, не наследуются вместе с влечениями, направленными на объект, так что они приобретаются только путем «проб и ошибок» или усваиваются в ходе научения с помощью родительского примера.

Следует отметить, что сам Лоренц нередко приводит иллюстративный материал и дает комментарии, по сути дела примиряющие обе позиции, снимая охарактеризованную ранее, часто схоластически понимаемую альтернативность эндогенно-автоматических механизмов, с одной стороны, и безусловных рефлексов со звеном-раздражителем на заднем плане — с другой.

Он описывает «реакцию холостого хода» у молодых скворцов: молодая птица, которая никогда прежде не ловила и не видела мух и находилась в изоляции от обучающих родителей, летает, щелкает клювом, возвращается на свой наблюдательный пост, несколько раз ударяет воображаемую добычу о свой насест и делает глотательные движения¹.

Сам Лоренц расценивает это как снижение «порога» реакции до «саморазрядки» — то есть совершенно как предельный случай рефлексного поведения!

Лоренц уделял много внимания разъяснению поведения животных, которое может быть понято как «агрессивное». Уже в подзаголовке одной из книг он делает намек на человека, говоря о «естественной истории агрессии».

Он не разделяет точку зрения на агрессию позднего Фрейда, который приписывал всему живому деструктивное влечение (часто в сочетании с либидо), а подчеркивает ту имеющую характер влечения роль агрессивности и насилия, которая способствует сохранению жизни и вида в борьбе за существование. Лоренц считает, что «премия» за сохранение может служить оправданием агрессивного поведения.

Данные сравнительного изучения поведения животных показывают, что у некоторых организмов существует «агрессия», направленная против своих собратьев по виду. Существованию известных видов животных угрожают не только пожирающие их враги, но и сородичи, конкуренты в питании и в размножении.

В инстинктивной борьбе против этой последней опасности филогенетически формируется агрессивность, которая препятствует тому, «чтобы в некоторой части биотопа (жизненного пространства.— В. Х.), находящегося в распоряжении вида, слишком плотное население животных данного вида истощило источники питания»². Эта опасность «проще всего предотвращается благодаря тому, что животные одного вида отталкивают друг друга», у них развивается «территориальная агрессивность».

Следует сразу же добавить, что, говоря о такой агрессивности, всегда необходимо конкретно называть вид жи-

¹ См.: K. Lorenz, op. cit., Bd. I, S. 107.

² K. Lorenz, Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression, Wien, 1965, S. 48.

вотных, то есть нельзя ставить в один ряд все виды, роды, семейства, отряды животных.

Так, Дж. П. Скотт, выступая с резкой критикой обобщений, имеющих в цитированной книге Лоренца, подвергает сомнению его положение о том, что у млекопитающих можно «обнаружить физиологические механизмы, которые при отсутствии внешних раздражителей вызывают воинственное настроение»¹.

Заслуживают внимания также исследования агрессивности человекообразных обезьян. Недавно проведенное в Индии наблюдение за «городскими обезьянами» показало, что якобы присущая обезьянам-резусам врожденная агрессивность объясняется условиями внешней среды.

Живущие в лесу обезьяны-резусы «сравнительно ослаблены и не воинственны. Городские обезьяны (которые в городах Индии живут на свободе.— В. Х.), напротив, начинали ожесточенно спорить... результатом чего часто бывали серьезные ранения; двое борющихся фактически убивали друг друга. И хотя обезьяны-самцы обычно доминируют над самками, при совместной жизни городских и лесных обезьян самцы из лесов часто уступали самкам из городов».

Сообщающий о таком поведении Схео Дан Сингх считает, что, «по-видимому, главная причина этого кроется в трудностях условий жизни в городской среде, особенно в ограниченном количестве имеющейся пищи, что принуждает обезьян к конкуренции между собой и с людьми»².

Можно было бы сказать: напряженность, обусловленная относительной перенаселенностью. Поведенческие нормы реакции у этих животных, таким образом, при определенных условиях, но отнюдь не всегда, приводят к агрессивности: здесь действуют нормы относительной пластичности, а не наследственной закрепленности.

Лоренц решительно предостерегает: «Исследователь, занимающийся сравнительным поведением, должен быть особенно далек от того, чтобы принимать просто «за одно и то же» аналогичные процессы, протекающие на совершенно различных психофизиологических уровнях»³.

¹ J. P. Scott, *Fighting, Science*, Washington, 4. 11. 1966, p. 637.

² Sheo Dan Singh, *Urban Monkeys*, «Scientific American», 7/1969, p. 110.

³ K. Lorenz, *Gesammelte Abhandlungen*, Bd. II, S. 150.

Однако придерживается ли этого совета сам Лоренц? Не ставит ли он знак равенства между провозглашенной этологией «естественной историей агрессии» — сомнительное понятие, внушающее мысль о преимущественности влечения к агрессивному поведению, — и «агрессиями в истории человечества», которые изучаются общественными науками?

Разве он не идентифицирует «влечение к борьбе у животного и у человека, направленное против своих сородичей»¹, доказательству которого он посвятил одну из своих книг?

Лоренц делает программное заявление: «У меня сложилось представление, что очень многие способы поведения млекопитающих и человека, которые обычно оцениваются исключительно как разумные поступки... первоначально представляли собой инстинктивные действия (альтернатива отнюдь не исчерпывающая. — В. Х.), которые вторично попали под контроль понимания... Оознавательным знаком первоначальной инстинктивности поведения служит лишь то обстоятельство, что все нормальные индивиды рода ведут себя в этом отношении одинаково»².

Сомнительный «принцип» опознания! Разве не существует повсеместно действующих социальных мотивов, которые при данных условиях определяют поведение всех членов общества? Разве то обстоятельство, что все «нормальные» пассажиры общественного транспорта покупают билеты, доказывает инстинктивность такого поведения? Разве не представляют собой подобного рода принципы явную попытку биологизации истории?

Стремление провести аналогию между «агрессией животных» (уже само определение представляет собой, в сущности, некритически использованное понятие) и воинственным поведением людей является не только в принципе ошибочным, но и идеологически вредным.

Лоренц утверждает даже, что из раннего каменного века «пагубный по своим размерам агрессивный инстинкт, который как дурное наследие и по сей день сидит у нас, людей, в крови»³, был пронесен через многие тысячелетия как результат генетической «селекции».

¹ K. Lorenz, Das sogenannte Böse, S. IX.

² K. Lorenz, Gesammelte Abhandlungen, Bd. I, S. 111.

³ K. Lorenz, Das sogenannte Böse, S. 64.

Однако наличие агрессивного инстинкта у людей по меньшей мере спорно. От позднего каменного века до открытия хлебопашества в долинах больших рек нет ни палеонтологических, ни археологических доказательств существования всеохватывающих институционализированных враждебных отношений между людьми.

Лоренц пытается уйти от обусловленных самой биологизацией трудностей, возникающих при объяснении исторических периодов, свободных от войн, ссылаясь на тормозные механизмы (в мире животных!). Он указывает, что у представителей определенных «вооруженных» видов животных имеются — как установил Джулиан Хаксли в 1910 году — тормозные механизмы, которые не позволяют им убивать особей своего вида и наносить им повреждения, а также разнообразные жесты и действия, выражающие смирение и умиротворение.

Такие «ритуальные действия», возникшие в ходе филогенетического отбора, служат в определенных ситуациях надежной гарантией против агрессии внутри вида.

Однако Лоренца можно здесь обвинить в незаконном переходе границы, разделяющей естественную историю и историю цивилизации. Он пишет: «Так, например, человек, который сердится на другого человека, скорее стукнет кулаком по столу, чем по лицу этого другого»¹.

Что это? Ритуал? Разве социально-воспитательные мотивы не являются достаточным объяснением такого поведения? Лоренц слишком быстро забывает, что он сам призывал нас к тому, «чтобы мы разделяли как две принципиально различные вещи инстинктивно унаследованное и приобретенное путем передачи традиций»².

Чтобы предупредить антидиалектические отклонения противоположного характера, следует самым решительным образом подчеркнуть, что нельзя вообще оспаривать наличие у человека инстинктивного поведения, точно так же как нельзя считать любое поведение «инстинктивно зафиксированным».

Приведем классический пример. Еще Чарлз Дарвин³ показал, что определенные реакции на выразительные движения других людей происходят, безусловно, на основе врожденных реактивных норм. Однако даже и здесь

¹ K. Lorenz, Das sogenannte Böse; S. 247.

² K. Lorenz, Gesammelte Abhandlungen, Bd. I, S. 281.

³ См.: Ч. Дарвин, Полн. собр. соч., т. II, кн. II, М.—Л., 1927.

возможна значительная конвенционализация, обусловленная обществом, то есть такая предрасположенность не является жестко закрепленной в механизме наследственности.

Тем не менее Лоренц пытается свести современную военную опасность к мнимому «блокированию» разума со стороны «присущих виду сверхмощных врожденных способов действия и реакций» и даже объяснить «процессы над ведьмами и преследования евреев»¹ с позиций теории «инстинктивной агрессивности».

Лоренц полагает, что «нарушения функций врожденных, присущих данному виду способов поведения в катастрофической социальной путанице человечества»² представляют собой практически важнейший объект исследований этологии и что именно это может существенно помочь объяснению войны³.

В качестве сил, которые можно мобилизовать на борьбу с войной — Лоренц искренне желает, чтобы эта борьба была успешной, — он с трогательной наивностью называет обращение все большего числа людей «к музыке, поэзии, красотах природы, науке», а также «растущее могущество юмора»!⁴

По мнению Лоренца, мы не принадлежим еще к числу истинных людей, мы лишь «промежуточное звено между животным и истинно гуманным человеком»⁵.

Весь вопрос в том, не следует ли из подобных тезисов, которые в конечном счете ставят под сомнение наш сегодняшний здравый смысл и чувство ответственности, удобный вывод, что эволюция человечества, истолкованная в духе социального дарвинизма, никогда не приведет к достижению желаемой, «истинно гуманной» стадии!

Ибо: «Имея в руках атомные бомбы, а в центральной нервной системе — эндогенные агрессивные инстинкты вспыльчивой обезьяны, современное человечество основательно утратило свое равновесие»⁶.

¹ K. Lorenz, op. cit., Bd. II, S. 188.

² Там же, стр. 200.

³ См.: K. Lorenz, Die instinktiven Grundlagen menschlicher Kultur, «Die Naturwissenschaften», 15/16, 1967, S. 387 ff.

⁴ K. Lorenz, Das sogenannte Böse, S. 379, 386.

⁵ Там же, стр. 323.

⁶ K. Lorenz, The Comparative Method in Studying Innate Behaviour Patterns, в: «Physiological Mechanisms in Animal Behaviour», Cambridge, 1950.

Прежде чем перейти к рассмотрению более откровенных доктрин социал-дарвинистского толка, антигуманных даже в своих намерениях, восстановим в памяти в самых общих чертах марксистское понимание человека.

Согласно марксизму, общественные формы поведения и социальные институты, тот или иной образ жизни, нравы и обычаи, которым исследователи-биологизаторы приписывают мнимую неизменность, якобы присущую человеческой натуре, возникли при определенных конкретных социально-экономических условиях. Они изменяются вместе с ними, следовательно, отнюдь не являются вечными.

Другими словами, «натура» человека обусловлена и определена таким образом, что она постоянно «отменяет» его биологическую природу, унаследованную от предков — животных. На человеке как бы «заканчивается» доминирующее влияние биологической природы, но в то же время сама по себе она сохраняется, поднимается на новую, более высокую ступень, интегрируя и превосходя все предыдущие уровни.

В этой общественной «природе человека» заключено постоянно восходящее на новые ступени стремление к развитию всех творческих сил как к социальной и индивидуальной самоцели, а совсем не стремление к удовлетворению мнимого влечения к агрессии и смерти, наличие которого у человека никем не было доказано.

Столь же недоказанным остается существование у человека и так называемого «собственнического инстинкта» или инстинкта «землевладения». Стремление к определенным формам собственности связано с исторически определенными общественными отношениями. Оно не составляет тайны якобы неизменного биологического наследия, а присуще, или еще не присуще, или уже более не присуще определенным социальным формам бытия.

В ходе длительной истории первобытного общества частная собственность на основные средства производства, в том числе и на землю, не играла никакой роли. В последующую за нашим переходным периодом эру коммунизма, которая характерна для будущей истории человечества, частная собственность, а также и войны, которые ведутся за нее или против нее, будут ликвидированы.

Остановимся теперь на взглядах, которые пропагандирует один из популяризаторов этологического подхода к проблемам изучения человека.

Речь идет об американском писателе и социологе Роберте Ардри, работы которого в настоящее время наводняют буржуазный книжный рынок, распространяя массовым тиражом аргументы против марксистского учения о человеке.

В его книгах, статьях и в их «вторичной» пропаганде через газеты, радио и телевидение, имеющей еще более широкий радиус действия, учение о первородном грехе, идеи Гоббса о человеческой природе, социальный дарвинизм и антигуманистически перетолкованные теории Фрейда, которые часто преподносятся со ссылкой на Лоренца, излагаются в своем первозданном виде.

Книги Ардри изобилуют ссылками на многочисленные работы других авторов, однако лишь в редких случаях цитаты не искажаются. О характере подобного «цитирования» и о способах полемики Ардри свидетельствуют, например, следующие его высказывания: «Оба они (Маркс и Энгельс. — В. Х.)... ухватились за иллюзию о первородном добре с таким восторгом, который ошеломил бы самого Руссо!» Маркс, заявляет Ардри, «сформулировал... философию экономического детерминизма... сущность человека определяет, таким образом, капитал, которым он обладает».

«Тот, кто занимается изучением влияния на состояние человека форм поведения, истоки которых следует искать в животном мире, не может не понимать, что нам предстоит вновь пережить те ужасы, которые мы испытали за последние полвека, если человек будет с прежней энергией насаждать такие социальные порядки, в основе которых лежат неверные представления о человеческой природе...»¹

Перед тем как мы подробнее остановимся на взглядах Ардри, вспомним о том, что автор книги «Закат Европы» Освальд Шпенглер накануне захвата власти Гитлером опубликовал работу, в которой он тоже провозглашает, что «человек — это хищный зверь», то есть зверь, чья «жизнь построена на убийстве»...

«Хищный зверь — враг каждому. Он не терпит в своей округе себе подобных. Понятие о королевской собственности коренится именно здесь».

¹ R. Ardrey, *Adam kam aus Africa*, München, 1969, S. 157—160.

Так «из поединков между отдельными хищными зверями возникает «война»... Характер свободного хищного зверя в основных чертах от одиночки перешел к организованному народу». При этом существуют «народы, чья сильная раса сохранила характер хищного зверя, разбойничьи, агрессивные народы-господа...»¹.

Таким образом, подчеркнуто расистская теория войны у Шпенглера опирается на такую концепцию человека, которая рассматривает борьбу за «округу» как специфическую черту, присущую человеку и общую у него с природой хищного зверя.

Термины «округа» и «поведение в округе» при употреблении их англосаксонскими этологами означают «территория» и «территориальность» и являются лозунгами представителей «новых» воззрений на природу человека и войну, которые ссылаются на этологию.

Схватки за «округу», по мнению Ардри, служат сохранению вида, они препятствуют чрезмерному перенаселению жизненного пространства; агрессия, направленная против соперников по пище и полу, есть средство для ведения споров за необходимую территорию, возникшее в ходе эволюции инстинктов. От хищной обезьяны и обезьяны-убийцы (killer-ape), которая вынуждена была вести такие схватки, берет свое начало вся система инстинктов современного человека.

«Примат» — зоология называет приматами, господами среди животных, семейство высших млекопитающих, к которому относится и обезьяна, и человек, — якобы обладает «инстинктами, которые требуют от него, чтобы он сохранял и защищал свою территорию и враждебно относился к соседям»...

Мы должны «предположить, что все первоначальные инстинкты приматов стали значительно интенсивнее, когда жизнь поставила новые требования в связи с занятиями охотой. Конфликты перешли в сражения не на жизнь, а на смерть, споры из-за территории — в кровопролитные войны».

Ардри выступает «против предрассудка, что разум всемогущ», и в этой связи заявляет: «Мы не должны ожидать слишком многого от способности, приобретенной в

¹ O. Spengler, Der Mensch und die Technik, 1931, S. 14, 16, 2, 53, 54.

результате научения, если она находится в противоречии с инстинктом. К сожалению, мы вообще не можем ожидать многого от человеческого разума, так как его главные усилия большей частью служат самообману». «Романтическую иллюзию» о возможности улучшить мир — вот что Ардри прежде всего ставит в вину Марксу.

«Никакое влияние внешней среды» не может, по его мнению, «погасить нашу врожденную склонность к оружию... Стоит нам только получить доступ к нашему традиционному материалу, как мы тотчас принимаемся за него, чтобы начать готовить большой взрыв».

Каков же ожидаемый результат? «Инстинкт хищного зверя, — пишет Ардри, — который никогда не находился полностью под контролем разума, может теперь, освободившись от всех тормозов, толкнуть нас на бесконечные конфликты вплоть до того момента, пока род *Homo sapiens* не вымрет окончательно. Великая и трагическая раса исчезнет с лица земли!»

В начале цитируемой книги Ардри говорит о самцах птиц: «Если они спорят, то спорят за владение землей». То, что он называет венгерской «революцией» 1956 года — он имеет в виду контрреволюционную попытку ниспровержения социалистической власти в Венгрии, — находит у Ардри аналогичное объяснение: это якобы всего лишь мобилизация «территориального инстинкта целого народа»¹.

Если заменить «целый народ» и «территориальный инстинкт» стремлением латифундистов, изгнанных после второй мировой войны в результате подлинно народной социалистической революции в Венгрии, вернуть себе утраченное право на «владение землей», можно будет в порядке дискуссии говорить о попытках помочь победе контрреволюции как о пробужденном классовом «инстинкте» экспроприированных экспроприаторов.

К альтернативам, выдвинутым Гёте (было ли вначале слово, мысль, сила или дело? ²), Ардри добавляет еще одну. Он заявляет: «Вначале было оружие!»

¹ R. Ardrey, *Adam kam aus Africa*, S. 335, 336, 338, 339, 338, 340, 15, 354 (страницы перечислены в том порядке, в котором даны цитаты. — В. Х.).

² Гёте, Фауст, М., 1960, стр. 88.

Таким образом, не люди как производители орудий труда были действующими лицами в историческом процессе и творцами самих себя, не люди сделали орудия труда, а оружие — людей.

Мистифицированное оружие (ибо для Ардри почти все орудия труда являются «оружием»!) рассматривается как часть человеческого тела. Исторический процесс эволюции — как биологическая эволюция пожирающих мясо обезьян-убийц.

Ардри безапелляционен и категоричен в своих заявлениях: «Стремление человека к обладанию представляет ясное выражение животного инстинкта... корни национализма уходят глубоко в социальную территориальность почти любого вида родственного нам семейства приматов... первый человек был вооруженным убийцей».

Как все просто! Сам Ардри часто не отрицает, что такой «тезис... представляет собой известную опору для борников частной собственности». Однако он претендует на то, что сумел «распознать поведение человека в поведении животного». В этом вся суть его «философии»!¹

Она прямо противоположна принципу эволюции в диалектическом понимании. Согласно этому принципу, специфика и границы более низкого уровня эволюции становятся понятнее, если их рассматривать с позиций следующей, более высокой ступени эволюции. Маркс писал: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»².

Итак, Маркс рассматривает животных, исходя из качественно более высокого уровня человека, развившегося в особый вид. Ардри, напротив, исходит из более низкого уровня животных, на жизнедеятельность которых он проецирует свойства, присущие только человеку определенного общества: национальность, землевладение, войны. При таком подходе все социальные категории как бы выходят за рамки традиционных дефиниций, утрачивая свою однозначность, и это помогает Ардри продельвать фокусы с подменой их подлинного значения. Подобным образом Ардри — как, к сожалению, и Лоренц, а также

¹ R. Ardrey, *Adam kam aus Africa*, S. 10, 16, 60.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 12, стр. 731.

некоторые другие этологи — поступает с понятием «агрессия».

Английский марксист Айвор Монтэю, говоря о понятии агрессии в этологии, с полным правом делает замечание: «Я думаю, что в значительной мере путаница, которая имеет место среди людей благонамеренных, и стремление использовать удобный случай для того, чтобы внести путаницу, со стороны реакционеров носит чисто языковой характер. Это происходит потому, что «агрессия», так же как и «умиротворение» (appeasement. — В. Х.), являются терминами, используемыми как в этологии, так и в политике, и что поведение, которое они в том и в другом случае обозначают, не имеет ничего общего, так как одинаковы только слова».

«Не нужно быть обезьяной, достаточно быть ослом, чтобы увидеть какую-то хотя бы и очень слабую связь между этологической «агрессией» среди приматов-нелюдей — даже если их параллели и следы сохранились в некоторых формах поведения человека — и политической „агрессией“...»

«Поведение «умиротворения» у приматов-нелюдей, которое обычно принимает такую форму, что они задирают вверх заднюю часть тела, не имеет ни малейшего сходства с политикой умиротворения, проводимой Н. Чемберленом, которая — будучи далека от стереотипизации — была разумным (?), во всяком случае хорошо обдуманном планом, направленным на то, чтобы усилить Гитлера и использовать его для подавления социализма»¹.

Монтэю продолжает: «Соответствия с образцами поведения приматов-нелюдей могут быть найдены — разумеется, с некоторыми другими наслоениями — на индивидуальном уровне в поведении личности и межличностных отношениях мужчины к мужчине (или к женщине, к ребенку и т. д.), но, конечно же, не в социальном поведении на государственном и политическом уровнях и меньше всего при враждебных отношениях в этих областях».

В этом вопросе следует остерегаться «как фантазии Жан-Жака Руссо о благородном дикаре, так и примитивного грубияна (brute) Джека Лондона!»²

¹ J. Montague, Of Men and Not-Men, «Marxism Today», 4/1968, p. 118.

² Там же, стр. 120.

То, что в поведении животных принято называть агрессивным, обычно является только своеобразной демонстрацией своей силы и сигналом, который побуждает собрата интервента ретироваться, лишь в редких случаях дело доходит до столкновений и еще реже до нанесения ран.

Лоренц и особенно Ардри, переходя к антропологии, смешивают понятия, причем последний совершает эту операцию и в обратном порядке, переходя от мира человека к миру животных, поведение которых он описывает, пользуясь терминологией военного корреспондента.

Стоит вспомнить в этой связи одно из писем Маркса к Энгельсу, в котором он критикует Дарвина за то, что тот обращается к Мальтусу: «Примечательно, что Дарвин в мире животных и растений узнает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование». Это — гоббсова *bellum omnium contra omnes*, и это напоминает Гегеля в «Феноменологии», где гражданское общество предстает как «духовное животное царство», тогда как у Дарвина животное царство выступает как гражданское общество»¹.

Ошибка великого Дарвина повторяется у Лоренца и Ардри, но у них она приобретает характер фарса. «Зверства» высшей стадии капитализма, империализма, сторонники концепции человека, основанной на ошибочном толковании поведения животных, проецируют на невинный животный мир.

«Новая» версия социального дарвинизма, которую выдвинул Ардри в цитируемой здесь книге, впервые опубликованной в 1962 году, получила дальнейшее развитие во второй его книге, которая вышла в 1966 году и, так же как и первая, скоро стала бестселлером. Именно по этой причине мы и считаем нужным подвергнуть ее критическому разбору.

Эта книга носит название «Территориальный императив» и имеет подзаголовок — «Личностное исследование происхождения собственности и наций у животных»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 30, стр. 204.

² См.: R. Ardrey, *The Territorial Imperative — A personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nations*, New York, 1966, p. 59, 62, 166, 167.

Территориальный инстинкт вновь объявляется врожденным инстинктом территориальной агрессии, следствием эволюционного наследия, генетически обусловленной формой поведения животного, которую Ардри называет то «инстинкт», то «сила», то «территория».

Принцип территориальности якобы является выражением врожденного влечения к приобретению и защите собственности. При этом Ардри различает два типа общества. Первый он называет «поуау» — выражение, заимствованное из работы И. И. Петтера об экологии и этологии мадагаскарских полуобезьян (1962), — и характеризует его как общество, которое зиждется на «внутренних антагонизмах» своих членов.

Второй тип общества, «биологическая нация», представляет собой социальную группу, в которой должно быть по меньшей мере два взрослых самца и которая отделена от других групп из-за внешнего антагонизма. Совместная защита округа (территории) требует выдвижения вождей группы и взаимодействия ее членов.

В трактовке этих различий у Ардри даже применительно к миру животных — у полуобезьян, с одной стороны, и у павианов и других видов обезьян, с другой — обнаруживаются такие несоответствия, которые не позволяют сохранить предложенное им разграничение между «поуау» и «биологической нацией».

Это, однако, не мешает Ардри характеризовать Италию и Францию как общества «поуау» в отличие от Германии, Англии, Японии, США и, конечно же, Южной Африки.

Ардри замечает: «То, что мы наблюдаем у людей, представляет собой нечто вроде зеркала, которое мы протягиваем природе»¹. Однако в данном случае зеркало, очевидно, оказывается столь же кривым, как и глаза наблюдателя, которому представляется, что «нации, подобно животным, подчиняются законам территориального императива», что «угроза интервенции является нормальной, постоянной, а не чрезвычайной и искусственной», что «чужая территория всегда прельщает» и что «вслед за проявлением слабости тотчас идет вторжение».

Это отнюдь не всеобщие законы, свойственные поведению животных или человека, а перенос националисти-

¹ Там же, стр. 315, 103, 25, 222.

ческой агрессивной политики капитализма на животный мир в целом и затем обратный перенос на мир людей в целом, причем мир людей Ардри к тому же еще и порицает за то, что он смог достичь «единения» только «в той мере, какой достигает направленная против нас сумма враждебности», и не больше!

Когда Ардри пишет: «Склонность к обладанию территорией является врожденной... Однако ее положение и ее границы должны быть изучены», то даже для животных, которым свойственно территориальное поведение, это справедливо далеко не во всех случаях.

Многие виды животных должны быть обучены даже простой защите своей территории, в то время как другие, среди них и семейство высших приматов, к которому относятся человек, орангутанги, шимпанзе и гориллы, вообще не обнаруживают такого территориального поведения!

Ардри не может не признать взаимное дружелюбие живущих на свободе шимпанзе, но в то же время он обходит молчанием орангутангов и горилл, в отношении которых это не менее справедливо.

Чтобы провозгласить свою апологию «влечения к обладанию» как биологической функции, Ардри вынужден пренебречь тем фактом, что ближайшие из живущих родственников человека не обнаруживают никакого врожденного территориального поведения, никакого «территориального инстинкта», так как этот факт наносит уничтожающий удар его биологизированной картине человека.

Мы, возможно, слишком подробно остановились здесь на изложении теорий Роберта Ардри. Однако, овладевая действительностью, нельзя оставлять без внимания пренебрежение критериями научности, особенно в том случае, когда речь идет об апологии частной собственности, которая все еще господствует в значительной части мира, или об оправдании агрессивных войн.

К тому же Ардри высказывается открыто, выбалтывая то, что у более сдержанных авторов можно прочитать как подтекст. Значительная часть читателей Конрада Лоренца берет из его статей — в упрощенном и отчасти в преднамеренно извращенном виде — именно то, что можно найти у Ардри в грубой и неприкрыто циничной форме.

К дальнейшей дискуссии побуждает и то обстоятельство, что Лоренц и Ардри цепляются за все еще очень живучие традиции социального дарвинизма второй половины XIX века, то есть за доктрину, сторонники которой, ссылаясь на Дарвина, переносят его биологическое учение о естественном отборе и борьбе за существование (*struggle for life*) на общество, пренебрегая тем фактом, что человек в процессе своего становления достиг качественно более высокого уровня бытия.

Герберт Спенсер (1820—1903) в своей одиннадцатитомной «Системе синтетической философии» — еще до Дарвина из-за своего механистического, неверного подхода к процессу эволюции — пришел к «органической теории общества», к социал-дарвинизму, несмотря на свое программное заявление о признании «гетерогенности из гомогенности».

Немецкие социал-дарвинисты — в условиях монополистического капитализма — поставили точку над *i*, объявив капитализм естественным состоянием общества, классовую борьбу — расовой борьбой, в которой победители подтверждают свое врожденное превосходство.

Такова была идеологическая реакция на распространяющийся марксизм. Маркс, выступивший против дарвиновского понимания животного мира как модели буржуазного общества, в одном из писем дает уничтожающую характеристику социального дарвинизма в немецком издании, который был представлен фигурой философа и экономиста профессора Фридриха Ланге.

«Дело в том, что г-н Ланге, — пишет Маркс Кугельману, — сделал великое открытие. Всю историю можно подвести под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во *фразе* «*struggle for life*» — «борьба за существование» (выражение Дарвина в этом употреблении становится пустой фразой), а содержание этой фразы составляет мальтусовский закон народонаселения или, скорее, закон перенаселения. Следовательно, вместо того, чтобы анализировать эту «борьбу за существование», как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу «борьба за существование», а эту фразу — в мальтусовскую фантазию о народонаселении! Нельзя не согласиться, что это очень убедительный метод — убедитель-

ный для напыщенного, псевдонаучного, высокопарного невежества и лениости мысли»¹.

Со времен Маркса последователи прежних социал-дарвинистов стали, если это только возможно, еще более невежественными, еще более ленивыми, не желающими думать, еще более напыщенными! Их современная аргументация, однако, использует дополнительный материал, который заимствуется из исследований по сравнительному поведению (или приписывается науке об исследовании сравнительного поведения).

Согласно тезисам Лоренца и Ардри, человек, подобно другим животным, движим силами врожденного агрессивного территориального инстинкта, которые действуют либо постоянно, либо периодически. В конечном счете человек якобы не в состоянии рационально управлять своей агрессивностью.

Здесь, как показывает Дж. Х. Крук, сразу же встает несколько истинно этологических вопросов: какие факты могут служить достоверным доказательством при определении врожденного агрессивного поведения для защиты территорий? Действует ли на самом деле квазипринудительная спонтанная неизменная сила или поведение агрессивных животных может быть модифицировано и воспитуемо? Как обстоит дело с мнимым территориальным поведением у приматов — предков человека? Имеет ли вообще какое-либо значение исследование поведения в трактовке Лоренца и Ардри для отношений между людьми?²

Для ответа на эти вопросы Дж. Х. Крук прежде всего считает нужным уточнить понятие «территория»: это понятие обозначает не «мотивацию», внутренне присущую одному животному, одному индивиду, а отношения между двумя или несколькими животными, которые диктуются их местожительством, то есть оно служит для обозначения свойства группы, вытекающего из совместной жизни и совместных действий.

Иногда, как это показал на примере определенных видов животных сам Лоренц, действительно имеет место генетически зафиксированная предрасположенность (подоб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 571.

² См.: J. H. Crook, *The Nature and Function of Territorial Aggression*, в: M. F. Ashley Montague (ed.), *Man and Aggression*, Oxford University Press, 1968, p. 141—178.

но определенным выразительным движениям у людей, обусловленности которых уже была речь выше).

Более сложные признаки видового поведения все же, хотя бы отчасти, являются результатом научения, например благодаря одинаковым условиям развития и благодаря отношениям мать — детеныш внутри популяции.

Однако нельзя постулировать зависимость от жестко закрепленной наследственной предрасположенности, сначала еще нужно доказать, что таковая существует! В некоторых из лучших работ Лоренца приводятся такие доказательства относительно совершенно определенных видов предрасположенности у совершенно определенных видов животных.

Что касается «территориальности», следует сказать, что физическая и «социальная» среда, в которой живет данный коллектив организмов, может непосредственно определять его структуру. Например, некоторые виды грызунов, живя в определенном окружении и при определенной плотности особей, в высокой степени проявляют «территориальность», но при других условиях им отнюдь не свойственно подобное поведение¹.

Таким образом, условия среды порой играют решающую роль в проявлении территориального поведения у определенного коллектива организмов или отсутствия такового. Следовательно, такое поведение нельзя рассматривать как неизменное свойство вида, так как соответствующая норма реакции не обуславливает никакой инвариантности среды.

Там, где территориальное поведение действительно имеет место, оно часто является результатом двух тенденций поведения: привязанности к району обитания и враждебности к соперникам или конкурентам. Однако обе тенденции могут проявляться независимо друг от друга.

Определенные способы расселения животных в области, в которой они живут, являются прежде всего результатом того, что они взаимно избегают друг друга, а не результатом схваток. И здесь тоже нельзя допускать некритических обобщений.

¹ См.: I. K. Andersen, Density, social structure and non-social environment in housemouse populations and the implications for regulation of numbers, «Transaction of the New York Academy of Science», Series II, 23 (5), 1961, p. 447—451.

Во всяком случае, следует задать вопрос: можно ли, исходя из учения Лоренца и высказываний Ардри, объяснить наблюдаемое территориальное поведение врожденным инстинктом агрессии, который должен найти выход (Фрейд сказал бы в этом случае: «Снятие реакции»)?

Не существует неоспоримых доказательств в пользу того, что при отсутствии раздражителей агрессия должна получить спонтанный выход. Р. А. Хинде делает в этой связи справедливое критическое замечание: «Лоренц заявляет о том, что его фактические данные верифицированы, и с претензией на авторитетность переходит к обобщениям», в то же время «игнорируя большую часть экспериментальной литературы по своему предмету»¹.

Однако именно эта экспериментальная литература показывает, что, с одной стороны, территориальное поведение отнюдь не является обусловленным только агрессией и, с другой стороны, особи далеко не всех видов защищают район вокруг себя против других членов данного вида. Территориальность является особым случаем защиты пространства, и ее совсем не просто отличить от похожих образцов поведения².

Данные нейрофизиологии свидетельствуют, что введение некоторых гормонов (например, тестостерона) может снизить порог раздражимости через определенные участки мозга и снять таким образом агрессивное поведение. Растущее чувство голода повышает готовность к агрессии. Недавно было доказано, что препарат карбахол, имитирующий ацетилхолин, будучи введен в определенный участок гипоталамуса, вызывает у крыс проявления агрессивного поведения.

Такие обуславливающие поведение факторы были настолько хорошо изучены, что само использование понятия «инстинкт» оказалось поставленным под вопрос, по меньшей мере в том значении, которое придавал этому термину в свое время Дж. Б. Холдейн, писавший: «Инстинкт может быть определен как поведение, проявляе-

¹ R. A. Hinde, *The Nature of Aggression*, «New Society», 2. 3. 1967.

² См.: V. C. Wynne-Edwards, *Animal Dispersion in Relation to Social Behaviour*, Edinburg and London, 1962.

мое животным без воздействия специфических внешних раздражителей, которые можно было бы определить скорее как тот или иной способ поведения»¹.

У организмов, стоящих на низкой ступени развития, агрессивное поведение может быть вызвано сравнительно точно установленными видами раздражений, которые даются в определенной дозировке в заданном контексте. У вышестоящих организмов вследствие взаимодействия более сложных условий для установления подобного рода факторов требуется более трудоемкий анализ.

«У высокоразвитых животных и у человека, точно так же как у низших организмов, в поведении присутствует значительный компонент агрессии, который проявляется в тенденции отвечать нападением или враждебностью на определенные виды раздражителей. Однако не существует достоверных доказательств в пользу генетически (наследственно) обусловленной потребности к агрессивному поведению»², — отмечает Дж. Х. Крук.

Итак, научно установлено и доказано, что не все живые существа обнаруживают территориальность и нельзя рассматривать агрессию как один из типов врожденных, застывших в неизменном виде инстинктов, используя ее в качестве единственного, одномерного объяснения территориальности. Мотивации и функции территориального поведения даже там, где оно действительно проявляется, очевидно, свойственны очень разнообразные признаки.

Что касается тех приматов-нелюдей, изучение которых может в наибольшей мере способствовать пониманию происхождения человека, то их общим признаком, который сразу бросается в глаза, как раз и является отсутствие территориального поведения. Это подтверждают данные многочисленных исследований.

Так, Дж. Х. Крук на основе собранного им материала пришел к выводу, что «шимпанзе и гориллы не имеют никаких строго защищаемых территорий», что шимпанзе живут «открытыми» группами, которые часто сме-

¹ J. B. Haldane, Natural Selection, в: P. A. Bell (ed.), *Darwin's Biological Work — Some Aspects Reconsidered*, Cambridge University Press, 1959, p. 143.

² J. H. Crook, *The Nature and Function of Territorial Aggression*, p. 154.

шиваются друг с другом, причем они «сообща пользуются территорией большой протяженности»¹.

Группы имеют четкую структуру, что объясняется дифференцированностью их общения: по относительной доминантности, по возрасту, полу и по ролям, которые индивиды играют в коллективе, включая и возникновение «дружеских отношений».

Характер дифференциации, очевидно, находится в зависимости от условий среды, например от вида и наличия мест для ночлега, от обилия или сезонного распределения продуктов питания и т. п.

При этом следует точно проанализировать перекрещивание безусловно- и условнорефлекторных образцов поведения, включая и привитые путем научения «традиции», которые вырабатываются в популяциях обезьян — в том числе и в популяциях живущих в городах обезьян-резусов, которые наблюдал Схео Дан Сингх и о которых уже говорилось выше.

У человекообразных обезьян «традиции» уже можно назвать «протокультуральными», то есть предформами культуры.

Нельзя сомневаться в том, что такое социальное обучение имеет большое значение в структуре групп; причем животные учатся также друг у друга, а не только у окружающей среды.

Обучение включает даже привитие любви к новым видам пищи, инициатором употребления которой является один из членов группы, а другие ему подражают до тех пор, пока однажды новый «Прометей» — обезьяна не провозгласит новую «моду»!

Это и многие аналогичные наблюдения и размышления дают основание сделать вывод, что «наше современное понимание важности обучения и традиции в деле сохранения обществ приматов-нелюдей скорее подтверждает такого рода историческое чередование, чем наличие территориального инстинкта, который так нужен Ардри»².

Если люди боролись и борются за территории, то их мотивы — движущие силы их поведения — настолько отличаются от мотивов территориального поведения у рыб

¹ J. H. Crook, op. cit., p. 168.

² Там же, стр. 171.

и птиц, что мнимые гомологии Ардри — однородность на основе филогенетического родства — оказываются в высшей степени случайными аналогиями.

Значительная способность к обучению у высших млекопитающих, как уже было сказано, создает у них возможности для похожих на культуру процессов усвоения новых форм поведения, которые не являются наследственно зафиксированными.

Следует изучать такие предстadiи, если мы хотим указать на наличие непрерывной связи человека с его истинными предками — животными, с предками, которые, конечно, не были ни рыбами, ни птицами, а были способными к обучению и стремящимися к нему обезьянами!

Даже агрессивность живущих в городах (урбанизированных) обезьян-резусов, как мы отмечали выше, в значительной степени зависит от окружающей среды. Этологи, которые критически рассматривают и (в противоположность Ардри) учитывают экспериментальный материал сравнительного исследования и которые основываются на наблюдениях за обезьянами, приходят к выводу, что у человека тем более агрессивность зависит от среды — причем в данном случае от среды общественной, — в которой он живет и творцом которой в какой-то мере является, то есть что она, по сути дела, есть социальный атрибут. Эти ученые, не разделяя марксистскую ориентацию, по крайней мере не одержимы социалдарвинистской предвзятостью в вопросах, касающихся мира человека.

Итак, с точки зрения уже завершившегося процесса становления человека развитие нового качества бытия могло начаться только там, где животные обнаружили способность к изменчивому, «протокультуральному» поведению в условиях структур совместной жизни, содействующих обучению путем взаимного общения. На этом этапе в полной мере проявляется как преемственность, существующая между человеком и миром животных, так и разрыв в преемственности, отделяющий нас от животных.

В конце концов, нет ничего удивительного в том, что этологии обезьян есть чему поучиться у социальной истории, точно так же как и социальной истории — у этологии. Ведь возникли же у тех высокоразвитых живых

существ, от которых ведет свое происхождение человек, эволюционные возможности и задатки, благодаря которым гегемония биологического начала над социальным, находившимся еще в процессе становления и не вышедшим за пределы животного, превратилась в свою противоположность!

Изложенные нами общие принципы, которые необходимо знать, отнюдь не достаточны, конечно, для специфического анализа.

Этология установила у целого ряда животных различных видов типы раздражений, которые вызывают реакции поведения филогенетически, этология показала также, что эти реакции в их специфической для каждого вида форме выработались благодаря естественному или половому отбору.

Очевидно также, что и группы людей, и отдельные индивиды в определенных ситуациях социальной среды ведут себя «агрессивно». Однако разве могут нести за это ответственность врожденные типы раздражения в качестве пусковых механизмов, как это пытаются представить сторонники «этологической картины человека».

Нет никаких данных для того, чтобы признать у человека наличие подобных врожденных агрессивных реакций на определенные социальные ситуации!

Агрессивность между индивидами, которые, например, «действуют друг другу на нервы», или между группами, например группами подстрекателей-националистов или расистов, можно понять и объяснить психологически или социологически. Однако она не имеет ничего общего с врожденными, возникшими в результате биологического отбора инстинктами.

Этологи, которых можно принимать всерьез, в подобной связи никогда не называли никаких специфических для определенного вида пусковых механизмов и уж тем более не пытались доказать их существование. «Аргументы», приводимые «штурмовиками» относительно «арийских» реакций на «еврейский нос» или «еврейский язык» или американскими расистами относительно их отвращения к «негритянскому запаху» и «негритянской лени», при самом поверхностном рассмотрении могут показаться соответствующими ожидаемому образцу врожденного пускового механизма. Однако на самом деле они являются не чем иным, как опровергнутой и разоблачен-

ной формой классовой общественной идеологии эксплуататоров.

Они могут занимать социолога, историка, политика, но только не биолога. Такая тематика относится не к проблеме животного мира, а к проблеме фашистского «третьего рейха». Если назвать то, что происходило в фашистском государстве, «звериным», то это можно считать клеветой на животных, поскольку все, что там происходило, может быть отнесено исключительно к сфере «человеческой» эксплуатации и экстерминации.

Роберт Ардри в своих декларациях, касающихся «врожденной агрессивности человека», ссылается на известного антрополога Раймонда А. Дарта и его утверждения о том, что наши африканские предки имели характер хищного зверя¹. Дарт приписывал южноафриканским австралопитекам развитую культуру «костей-зубов-рогов» (osteodontokeratic culture)², при этом он ссылается на большое количество одинаково сломанных костей, найденных при раскопках у Таунгса и Макапана.

Известный ученый Г. Х. Р. фон Кенигсвальд высказал сомнения относительно того объяснения, которое дал этим находкам Дарт. После осмотра представленного Дартом материала он отклонил его гипотезу о «культуре кости» у австралопитеков и заявил, что этот заслуженный, но обладающий богатой фантазией исследователь стал «жертвой иллюзии»³.

Кроме того, австралопитеки были «не пре-, а парагоминидами, то есть относились к особой развившейся параллельно с гоминидами (истинными людьми.— В. Х.) группе, у которой отсутствует наиболее типичный для человека признак — сильное увеличение объема мозга, а следовательно, и интеллектуальные возможности. В строении зубов также видны свои особые тенденции...»

Тезис Ардри, который еще имеет широкое хождение, о том, что *Australopithecus africanus* был «искоренен» Homo

¹ См.: R. A. Dart, The Predatory Transition from Ape to Man, «International Anthropological and Linguistic Review», V. I, 1953, p. 201—208.

² См.: R. A. Dart, The osteodontokeratic culture of Australopithecus prometheus, «Transvaal Mus. Mem.», V. 10, 1957, p. 1—105.

³ См.: G. H. R. von Koenigswald, Probleme der ältesten menschlichen Kulturen, в: B. Rensch (Hrsg.), Handgebrauch und Verständigung bei Affen und Frühmenschen, Bern, 1968, S. 159.

sapiens, абсолютно неприемлем и бездоказателен; нет никаких данных, говорящих о том, что они были современниками, или о том, что австралопитеки убивали своих собратьев. Бесспорно доказано, что они были охотниками. Однако охотник не есть «убийца» и обезьяна, занимающаяся охотой, не есть «обезьяна-убийца».

Имеются доказательства, что институт взаимоубийства, как отмечалось выше, существует только со времен неолита, то есть приблизительно 10 000 лет, и представляет собой не врожденную, а общественно «обученную» форму человеческого поведения: войну. Ведение войны не является биологически детерминированным действием, оно отнюдь не заложено в «натуре человека».

Следует отметить, что биологические формы воинственного поведения у животных также «многофакторны», обусловлены многими различными отдельными причинами.

Что касается раннего человека, доисторического человека, то он охотился не ради того, чтобы получать удовольствие от разбоя и добычи, а из-за того, что был голоден сам и были голодны те, кто от него зависел, о чем не устают напоминать выдающийся американский антрополог Эшли Монтэгу ¹.

Ранний человек в такой же малой степени был убийцей, как и сегодняшние рабочие на бойнях, поставляющие невегетарианцам мясо.

Очевидно, у людей — это относится в равной степени и к предшественникам человека — привычка потреблять мясо, так же как и привычка обходиться без мяса, является результатом обучения. Утрата инстинкта, которая была и остается предпосылкой исторически образовавшейся пластичности человека, распространяется также и на способы питания людей, на их особую любовь к какой-либо пище или отказ от нее.

Даже поверхностного знакомства с учением бихевиоризма Дж. Б. Уотсона (1878—1958) ², которое стало популярным с 1913 года, достаточно, чтобы показать, что единственной врожденной, похожей на инстинкт реакцией, с достоверностью и точностью установленной у младенцев человека, является страх, который они испытывают при внезапном вытягивании из-под них пеленки или

¹ См.: A. Montagu, *The Human Revolution*, New York, 1967.

² См.: J. B. Watson, *Psychology as a Behaviorist views it*, «Psychological Review», v. 20, 1913, p. 158—177.

из-за неожиданного шума — в обоих случаях реакция унаследована от предков, понятна с точки зрения адаптации и не является помехой при обучении социальному поведению человека.

«Неповторимость человека»¹ культур-философы, занимающиеся биологизацией человека, видели во многом; однако цитируемые авторы воздержались от того, чтобы увидеть эту специфику человека во врожденной агрессивности его поведения и тем самым придать этологический акцент принципу «*homo homini lupus est*» («человек человеку — волк»), а также и социал-дарвинизму своих предшественников.

Ни у человекообразных обезьян, которые, как правило, дружелюбно относятся друг к другу, ни среди останков предлюдей и ранних людей не удалось найти доказательств того, что у современных людей биологически запрограммирована ситуативно обусловленная индивидуальная или действующая как социальный институт «агрессивность» — если уж употребить этот недостаточно специфический термин.

Та область поведения, которая имеет решающее значение для формирования человека, для человеческого бытия, управляется программами мозга, которые являются результатом научения, как, впрочем, и вообще человеческая природа в точном смысле слова является не врожденной, а выработанной путем научения и социально-исторически обусловленной.

Несколько утрируя, можно сказать: все то, что является специфическим для поведения человека, не является врожденным, а то, что является врожденным, не носит черт, специфических только для человека.

Из наследия человекообразных обезьян прежде всего предметом для обучения стала совместная деятельность: сначала в процессе труда и процессе взаимопонимания, способствующего труду, а позже и во всем остальном.

Короткая по сравнению со всей историей человечества промежуточная историческая фаза, для которой характерно существование антагонистических, основанных на эксплуатации классовых обществ, развивается таким образом, что на эти кооперативные отношения в процессе «циви-

¹ См.: J. Huxley, *The Uniqueness of Man* (1941), в: «*Man in the modern World*», London, 1947, p. 1—21.

лизации» наслаивается подрывающий эту кооперацию период классовой борьбы и войн между народами, что тоже является результатом обучения.

«Культур-пессимисты» или социал-дарвинисты, стоящие на позициях биологизма и приходящие, подобно Фрейду, в отчаяние от враждебности, которая существует между людьми, или восторгающиеся ею, подобно Ардри, объясняли эту борьбу и войны природой человека. Провозгласив эту природу неизменной, они проецировали эту враждебность на мир животных, а затем, исходя из мира животных, вновь возвращались к человеку. Какая античеловечная человеческая комедия!

Старые аргументы философии отчаяния и социал-дарвинизма сегодня, на последней фазе заканчивающего свое существование последнего антагонистического общественного строя — капитализма, выдвигаются в новом оформлении.

Чтобы оправдать существующие социальные противоречия и пороки, буржуазные идеологи утверждают, что они неизбежны, пытаясь таким образом помешать мобилизации противоборствующих сил, которые стремятся к построению полностью кооперативного общественного строя.

Здесь речь в действительности идет не о проблемах зоологии, а о проблемах человечества. Поэтому мы должны со всей непримиримостью подходить к любым проявлениям идеологии, проповедующей концепцию агрессивных инстинктов человеческой природы. Подобная идеология может привести либо к достойному сожаления безропотному смирению, либо к одобрению действий политических агрессоров, угрожающих прогрессу.

Аргументированная с позиций этологии теория агрессии, так же как и психоаналитическое учение о влечении к смерти, которое переживает в настоящее время свой ренессанс, возникли и получили широкое распространение вследствие того, что в ходе первой и второй мировых войн, а также в послевоенные годы у известных слоев общества стали проявляться настроения отчаяния. Причинами последнего являются: экономическая неустойчивость, которая выражается в кризисах и инфляциях, что создает почву для бедности в развитых странах и невообразимой нищеты по вине империализма в развивающихся странах; перманентная агрессивность колониализма и постоянная угроза атомной, бактериологической и химической войны.

Все эти явления берутся объяснять авторы доктрин, в основу которых положены принципы биологизма и психологизма при полном отсутствии исторического подхода.

Для людей, не сведущих в вопросах общественных наук, эти доктрины служат «эрзац»-марксизмом (новый термин, чтобы не повторять старого названия), который призван охранять их неведение. Отсюда рьяная популяризация этих доктрин средствами буржуазной массовой коммуникации; отсюда попытка манипулировать с их помощью общественным мнением.

Смысл и цель внушаемых доктрин коротко сводится к следующему: «Ты не можешь изменить человеческую природу! Поэтому и не пытайся это сделать!»

Здесь мы наблюдаем псевдотеологический возврат к учению о первородном грехе. Подобно учению о первородном грехе, эти доктрины должны поддержать провозглашенный ими «авторитет» при попытке воспрепятствовать изменению существующих «непорядков», объявляя заблуждением веру в возможность изменения устоев, которые нуждаются в переменах.

В противовес этому уже Фридрих Энгельс отмечал: «Нормальное существование животных дано в тех одновременных с ними условиях, в которых они живут и к которым они приспосаблиются; условия же существования человека, лишь только он обособился от животного в узком смысле слова, еще никогда не имелись налицо в готовом виде; они должны быть выработаны впервые только последующим историческим развитием. Человек — единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*»¹.

Человек — творец самого себя, а не жертва животного наследия, объявляемого неизменным. Ни первородный грех, ни врожденное зло не являются неизбежной судьбой человека. Ликвидация внутренних и внешних антагонизмов классовых обществ возможна и необходима. В социалистическом обществе этот процесс уже осуществлен.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 510.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Агрессия: генетический инстинкт или социальный феномен? (Вступительная статья)	5
Постановка проблемы	23
Процесс становления и гуманизации человека	26
Функции сознания в психике человека	48
Трактовка человека у Зигмунда Фрейда	71
Человек, приравненный к животному	100

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ФИЛОСОФИИ

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

КОРФ Г. КРИТИКА ТЕОРИЙ КУЛЬТУРЫ М. ВЕБЕРА И Г. МАРКУЗЕ. Берлин, 1970. Перевод с немецкого. М., Прогресс, 1975. 5 л. 15 000 экз. 22 к.

Брошюра представляет собой критический очерк взглядов двух широко известных буржуазных идеологов, стихийно отразивших в своих концепциях культуры духовный кризис капиталистического общества.

Показывая общность исходных социальных позиций Вебера и Маркузе, автор раскрывает специфику теоретических выводов и политических рекомендаций, к которым они пришли. Так, если Вебер считает, что духовная нищета капитализма — это неизбежность, бороться с которой бессмысленно, то Маркузе предлагает решение иллюзорного характера, призывая к мелкобуржуазному бунту. Концепции культуры Вебера и Маркузе, несмотря на их различия, преследуют одну цель — помешать прогрессивным силам осознать пути создания перестройки культуры, ее подлинных духовных ценностей.

Брошюра рассчитана на широкие круги читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ФИЛОСОФИИ

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ПРИБРАМ К. Языки мозга. Прентис-Холл, 1971. Перевод с английского. М., Прогресс, 1975. 25 л., с иллюстрациями, 20 000 экз., 1 р. 78 к., в переплете.

Автор — крупнейший американский нейропсихолог, известный советскому читателю по книге «Планы и структура поведения» (М., Прогресс, 1965).

Настоящий труд посвящен исследованиям физических и биологических основ организации мозга, а также изложению рефлекторной теории функций мозга в сопоставлении с современными кибернетическими представлениями о деятельности мозга.

Значительную часть книги занимает анализ мозговой организации субъективного отражения внешнего мира, целенаправленной деятельности, эмоций, интересов и мотивации. Автор дает характеристику мозговых механизмов, лежащих в основе применения знаков, символической деятельности и речи как средства общения.

Рекомендуется: философам, психологам, физиологам и неврологам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ФИЛОСОФИИ

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ФРЕСС П., ПИАЖЕ Ж. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. Выпуск V. Париж, 1966. Перевод с французского. М., Прогресс, 1975, 20 л., с иллюстрациями, 10 000 экз., 1 р. 50 к., в переплете.

Девятитомный труд крупнейших французских ученых под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже представляет собой свод современных данных по экспериментальной психологии. Первые два тома, объединенные в одну книгу, вышли в свет на русском языке в 1966 г., третий — в 1970 г., четвертый — в 1973 г.

Настоящий, пятый выпуск посвящен проблемам мотивации, эмоций и личности. Авторы (Ж. Ньюжжен, П. Фресс и Р. Мейли), широко используя достижения современной науки, дают глубокое теоретическое освещение рассматриваемых проблем.

Рекомендуется: специалистам в области психологии и психофизиологии.

ВАЛЬТЕР ХОЛЛИЧЕР
ЧЕЛОВЕК И АГРЕССИЯ

Редактор Н. Вербицкая
Художник Э. Марков
Художественный редактор В. Пузанков
Технический редактор В. Шниц
Корректор В. Пестова

Сдано в производство 10.IV. 1974 г. Подписано к печати 25.XII. 1974 г.
Бумага 84×108¹/₂. Бум. л. 2¹/₂. Печ. л. 7,14. Уч.-изд. л. 6,67. Изд. № 18614.
Цена 35 к. Заказ 5337.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва Г-21,
Зубовский бульвар, 21

Московская типография И 5 «Союзполиграфпрома» при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, Москва, Мало-Московская, 21

Цена 35 коп.